

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Изучение Бохая в России	5
Изучение Бохая в Республике Корея	20
Изучение Бохая в КНДР	47
Изучение Бохая в Китае	58
Изучение Бохая в Японии	65
Изучение Бохая в странах Европы, США и Австралии	70
Заключение	75
Список использованных источников и литературы	76

ВВЕДЕНИЕ

Государство Бохай (до 713 года носившее другое название — Чжэнь) было самым древним государственным образованием на территории российского Дальнего Востока. Оно располагалось на современных землях КНР, КНДР и РФ, поддерживало дипломатические отношения с Японией и оказывало большое влияние на восточноазиатский регион. Бохай образовался в 698 году и погиб в 926 году, поэтому после этого государства осталось много памятников культуры в регионе. Но бохайское население сохранилось и столетиями играло важную роль в других странах (таких как, например, империи Ляо и Цзинь) вплоть до XIII века.

Всё вышеперечисленное приводит к тому, что Бохаем интересуются практически все страны, имеющие свои интересы в регионах Восточной Азии, включая Россию.

Проводятся различные исследования, международные мероприятия и т.д. Бохай стал важной частью ряда политических дискуссий и территориальных претензий разных сторон. Поэтому рассмотрение изучения Бохая в ряде стран является важным не только с исторической, но и политологической точек зрения.

Целью работы является описание и анализ изучения бохайской тематики в разных странах. Основной упор в данном труде был сделан на корейские материалы в силу ряда причин: научной специализации автора монографии, сравнительно малой известности работ на корейском языке в Российской Федерации и большой информативности ученых Республики Корея по выбранной тематике.

К тому же южнокорейские исследователи стремятся собирать любую информацию о Бохае в мире. Кроме того, они имеют информации больше, чем специалисты из других стран, об изучении Бохая на севере Корейского полуострова. Выбор стран автором был связан со степенью исследований по бохайской тематике, проводимых в этих государствах.

Данная монография состоит из разделов, посвященных краткому описанию изучения Бохая в конкретной стране.

Автор также уделил внимание изучению бохайской тематики в странах западного мира. Данное направление практически неизвестно не только в России, но и во многих других государствах, включая Республику Корея.

Работа не претендует на охват всей темы в силу ее глобальности.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что материалы и выводы могут быть использованы при написании научных работ и трудов по истории Средневековья и историографии Российского Дальнего Востока и сопредельных государств. Главы монографии могут быть полезны для лекторов вузов, читающих курсы по истории Восточной Азии в Средние века.

Работа состоит из шести глав.

Автор благодарит за помощь в работе с китайскими материалами Александра Львовича Ивлиева, в.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока ДВО РАН, за поддержку научных исследований Алексея Юрьевича Мамычева, заведующего в Лаборатории политико-правовых исследований, Факультет политологии, МГУ имени М.В.Ломоносова.

ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ В РОССИИ

Как правило, считается, что начало изучения Бохая в России связано с 1851 годом, когда была издана трехтомная монография первого российского китаевода Никиты Яковлевича Бичурина (отец Иакинф) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Бичурин, 1851). В этой работе было размещено краткое представление об истории Бохая. Несмотря на большое количество ошибок и неточностей в данном описании Бохая, эта работа дала старт изучению этой темы в России. Поэтому работа переиздавалась и в советское время в 1950 году.

Но при этом необходимо отметить, что Бичурин упоминает бохайцев и в другом, более раннем труде — «История первых четырех ханов дома Чингисова», которая датируется 1829 годом (Бичурин, 1829). В этой работе нет описания бохайского государства, а есть только упоминание о нем и бохайцах, которые жили в империи Цзинь в период войны с монголами.

Но после работ Н.Я. Бичурина в изучении Бохая в Российской империи наступил период длительного застоя. Это было связано с рядом причин: 1) по Бохаю в России (как и в большинстве других стран) было малое количество письменных источников. Поэтому российские китаеведы (изначально о корейских материалах по Бохаю ничего не было известно) не могли работать с темой, по которой мало литературы. А изучение Кореи и Японии началось значительно позже, хотя японские и корейские летописи тоже не обладают большим количеством информации; 2) для систематического исследования необходимо находиться поблизости с регионом, который ученый исследует. В тот промежуток времени это было невозможно, так как основная масса потенциальных исследователей находилась на западе страны, а Дальний Восток оставался малоисследованным; 3) на тот период времени российское востоковедение не достигло такого академического уровня (впрочем, тогда этим не могли похвастаться никакие другие страны в мире), чтобы иметь возможность активно заниматься изучением столь отдаленных регионов.

К тому же Н.Я. Бичурин был на редкость талантливым востоковедом, который мог заниматься большим количеством тем, связанных с изучением Восточной Азии.

Но, несмотря на застой в историческом изучении Бохая, со временем на Дальнем Востоке начинаются исследования в другом направлении — археологическом.

Первые упоминания о предполагаемых бохайских археологических памятниках на территории России относятся к 1870–1871 гг., когда Петр Иванович Кафаров (архимандрит Палладий), во время своего путешествия по Уссурийскому краю стал описывать археологические пункты на территории края (Кафаров, 1871: 91–96). Он первым из российских исследователей стал утверждать, что на территории современного Приморского края

существовало государство Бохай. П.И. Кафаров также создал первую периодизацию истории Амурского края, в которой он верно указал период существования Бохая — VIII–X века н.э. (Кафаров, 1871: 92). П.И. Кафаров также предположил места, на которых должны были находиться крупные бохайские памятники, что позже было подтверждено в ходе раскопок уже в советское время (Государство Бохай, 1994: 4). Существует мнение, что в своих предположениях он руководствовался данными из летописных источников, которые, к сожалению, в настоящее время неизвестны (Kim, 2009).

Некоторые исследователи полагают, что первым, кто коснулся проблемы изучения археологических памятников Бохая в России, был офицер русской армии Михаил Иванович Венюков (1832–1901). Он находился на Дальнем Востоке в 1860-е годы. Но М.И. Венюков рассматривал только некоторые древние поселения в дальневосточном регионе, каких-либо раскопок не проводил, никаких обоснованных гипотез по поводу принадлежности памятников к какой-либо эпохе не выдвигал, в отличие от П.И. Кафарова. Поэтому нам затруднительно назвать его первым специалистом, который занимался бохайскими памятниками (Kim, 2009).

Более активное исследование Бохая в Уссурийском крае в тот промежуток времени было связано с деятельностью Общества изучения Амурского края (ОИАК), созданного в 1884 году во Владивостоке. Оно объединило всех местных энтузиастов, которые интересовались прошлым этого региона. Несмотря на то, что данное общество изначально создавалось на общественных началах, оно вскоре смогло выпускать свое периодическое издание, «Записки общества изучения Амурского края», создало свои библиотеку и различного типа коллекции.

Первый председатель общества, Федор Федорович Буссе (1838–1896), проводил активные исследования многих древних и средневековых памятников в крае, которые были известны ему и другим энтузиастам и собирал различные данные по ним. Он также создал свою периодизацию археологических памятников Приморья (Буссе, 1888: 3–5), которая во многом схожа с классификацией П.И. Кафарова (Васильева, 1989).

В вопросе определения места и времени существования Бохая в Уссурийском крае Ф.Ф. Буссе был солидарен со своим предшественником П.И. Кафаровым. Конечно, работа по краеведению проводилась на любительском уровне, но в тот период времени это было достижением.

Также свою периодизацию истории Уссурийского края представлял и известный русский путешественник и офицер В.К. Арсеньев (Арсеньев, 1947), который тоже был членом ОИАК, но, несмотря на то, что она была создана позже других, эта периодизация грешила неточностями и была менее верной, чем у П.И. Кафарова и Ф.Ф. Буссе.

Результатом полевых исследований членов ОИАК стала совместная работа Ф.Ф. Буссе и Льва Алексеевича Кропоткина (1842–1921) «Остатки древностей в Амурском крае», которая

была опубликована в 1908 году (Буссе, Кропоткин, 1908: 25–48). В этом труде авторы поместили сведения по всем известным археологическим памятникам юга Дальнего Востока на то время и указали личности тех, кто первым открыл тот или иной памятник.

А.З. Федоров, офицер армии Российской империи, энтузиаст-краевед и активный член ОИАК, провел серию полевых работ и открыл ряд древних и средневековых памятников, в том числе и несколько бохайских, в окрестностях современного Уссурийска (тогдашний город Никольск–Уссурийский). В течение нескольких лет он проводил самостоятельные раскопки обнаруженных им городищ и поселений.

На основании своих исследований А.З. Федоров опубликовал книгу «Памятники старины в городе Никольск-Уссурийском и его окрестностях» в 1916 году (Kim, 2013: 79). Эта работа ценна тем, что представляет материал о бохайских и чжурчжэньских городищах Уссурийского района, значительная часть которых, к сожалению, в дальнейшем была уничтожена в ходе строительства и прочих видов деятельности местных властей. По мнению А.З. Федорова, Бохай был тунгусским государством.

В периоды Первой мировой и Гражданских войн все раскопки на территории российского Дальнего Востока были свернуты и никакие исследования не проводились.

Ситуация поменялась, когда страна стала выходить из кризиса и восстанавливать хозяйственную жизнь. ОИАК смогло снова сконцентрироваться на исследовательской работе в крае. Победившая в Гражданской войне Советская власть дала возможность ученым продолжать прежние и начинать новые исследования по краю.

В 1929 году Зотик Николаевич Матвеев, который был тогда доцентом Дальневосточного Государственного Университета, опубликовал небольшую книгу под названием «Бохай» (Матвеев, 1929). В своей работе автор использовал выдержки из китайских и японских летописей, имевших отношение к бохайскому государству. Монография З.Н. Матвеева стала первой книгой в СССР, полностью посвященной истории Бохая.

Матвеев полагал, что Бохай был мохэским государством с сильным культурным когурёским влиянием (Матвеев, 1929: 6). В своей работе он сделал упор на международные контакты не только бохайского государства, но и его жителей. На длительное время эта работа стала самой подробной научной публикацией на русском языке, описывавшей политическую жизнь Бохая (Васильева, 1989: 41).

Кроме того, данная работа стала путеводителем для многих советских ученых в бохаеведении на последующие десятилетия. В частности, материалы этой монографии оказали большое влияние на научную деятельность А.П. Окладникова, который в дальнейшем стал академиком АН СССР. В своей работе «Далекое Прошлое Приморья» он активно использовал выдержки из книги Матвеева (Окладников, 1959).

Но после монографии З.Н. Матвеева в изучении Бохая снова наступило затишье. К тому же в 1930-е годы многие исследователи, занимавшиеся изучением Бохая, погибли в ходе сталинских репрессий. Это относится к З.Н. Матвееву, А.З. Федорову и другим. Была расстреляна даже вдова Арсеньева.

Кроме того, государственный прессинг коснулся и ОИАК, который в ходе этих репрессий потерял часть своих фондов, коллекций и каталогов различной литературы. Многие из них до сих пор не найдены. Конечно, только в некоторых исторических работах упоминался Бохай (Колоколов, Мамаев, 1942), хотя это были подборки кратких, но старых сведений о бохайском государстве и его месте в восточноазиатском регионе.

Это создало дополнительные сложности в изучении всей Восточной Азии в регионе, хотя и до репрессий такие исследования в стране имели много недостатков.

Еще в 1940 году академик Алексей Петрович Баранников указывал, что слабое изучение востоковедения в СССР связано с двумя причинами. Во-первых, малое число молодых ученых, во-вторых, в 1920-е годы поднялось большое количество специалистов в востоковедении, которые не имели отношения к изучению Азии, но зато были политически «подготовлены», с «чистым» политическим прошлым и соответствующим социальным происхождением (Баранников, 1940: 6).

К этому мы можем добавить еще два важных фактора: 1) деление советских ученых на ряд школ, слабо взаимодействовавших и конкурировавших между собой в плане исследования связанных между собой тем (старая, новая и харбинская); 2) жесткое идеологическое давление в Советском Союзе на науку, которое не позволяло ученым иметь свое мнение в ряде случаев и проводить свои исследования (Kim, 2013: 80).

Только в начале 1950-х годов в изучении прошлого Приморского края наметился сдвиг.

В 1953 году начала работу Дальневосточная археологическая экспедиция Алексея Павловича Окладникова (1908–1981). Целью этой экспедиции было изучение прошлого Приморского и Хабаровского краев. В ходе полевых исследований советские специалисты нашли многие археологические памятники и начали работу на них работу, включая бохайские.

В те же 1950-е годы (но позже экспедиции А.П. Окладникова) другой археолог, Эрнст Владимирович Шавкунов (1930–2001), начал раскопки группы бохайских памятников в районе реки Кроуновка Уссурийского района. Исследования этой группы стали важными и продолжались до 1990-х годов. В результате полевых работ были найдены бохайские поселения и храмы. Полученный оттуда археологический материал до сих пор играет важную роль в изучении Бохая в России.

Кроме того, результаты этих раскопок позволили Э.В. Шавкунову выпустить ряд научных статей и защитить кандидатскую диссертацию, связанную с изучением бохайских памятников в

Приморском крае, в 1962 году. В 1968 году он переработал свою диссертацию и выпустил ее в виде монографии — «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье» (Шавкунов, 1968).

Эта работа стала первой диссертацией в Советском Союзе, посвященной Бохаю. Автор в своей работе использовал исторические и археологические материалы, часть которых впервые вводилась в научный оборот. Эта книга до сих пор пользуется популярностью у российских, японских, китайских и корейских ученых, занимающихся изучением бохайского государства.

В 1959 году в Москве был выпущен первый том переводной работы «Самгуксаги» — «Исторические записки Трех Государств» (Самгуксаги, 1959). В этой монографии были приведены данные по силланскому королевству. Основным переводчиком этого труда, профессор Михаил Николаевич Пак (1918–2009), коснулся и проблемы отношений между Силла и Бохаем.

В частности, это касается отправки силланских посольств в Бохай, отзывы местных лидеров о своем северном соседе и участии силланцев в войне империи Тан и Бохая в 731–732 гг. Это была первая работа в СССР, которая затрагивала проблему контактов между этими государствами.

В 1969 году начался советско-китайский вооруженный конфликт на Даманском, который сыграл большую роль в изучении Дальнего Востока по обе стороны границы. Вплоть до 1991 года контакты между КНР и СССР оставались натянутыми. Враждебные отношения между государствами сильно ударили по науке.

История отношений Китая с Советским Союзом подверглась радикальному пересмотру с обеих сторон, кроме того, политические разногласия затронули и прошлое Дальневосточного региона. Правящие круги Китая стали предъявлять территориальные претензии к своему северному соседу, что сказалось на истории и археологии.

В принципе, как таковые претензии на счет территорий к СССР со стороны Китая звучали и раньше (Гончаров, 2006: 360–373), но теперь они стали выставляться куда в более жесткой манере.

Китайские специалисты, также находившиеся под политическим давлением в своей стране, как и советские ученые, стали обосновывать эти требования в историческом плане. Представители КНР стремились обосновать свои положения тем, что юг Сибири и Дальнего Востока издавна находились под влиянием Китая или входили в его состав в тот или иной промежуток времени. Поэтому, по их мнению, именно Китайская Народная Республика имеет все исторические права на эти земли, а не СССР.

В свою очередь, советские историки и востоковеды прилагали все усилия опровергнуть доводы китайских коллег и утвердить исторические права своей страны на этот регион. В качестве ответного аргумента они стали утверждать, что данные территории не были под

властью каких-либо китайских государств, а культуры и государства юга Дальнего Востока и Сибири развивались самостоятельно, вне китайской цивилизации или ее влияния. Поэтому с этого периода времени многие представления о Бохэе в Советском Союзе претерпели значительные изменения.

Примером могут быть работы уже ранее упоминавшегося академика А.П. Окладникова. В 1973 году вышла его монография, написанная в соавторстве с другим советским археологом, Анатолием Пантелеевичем Деревянко (Окладников, Деревянко, 1973). В этой публикации, в отличие от предыдущего труда 1959 года, утверждалось, что дальневосточный регион развивался вне влияния Китая.

Несомненно, что эта политическая международная полемика оказала большое негативное влияние на все науки, включая востоковедение. Но были и свои немногочисленные положительные моменты этого политического давления. Например, советские исследователи стали более критично рассматривать публикации своих китайских коллег.

До этого ученые СССР без критики принимали все, что представляли китайские специалисты по древней и средневековой истории региона (Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн, 1959). Поэтому они полагали, что Бохай получил доминирующее влияние от танского Китая и практически не рассматривали мохэский культурный компонент в археологическом материале из бохайских памятников.

При этом бохэеведение в Советском Союзе вплоть до конца 1960-х годов страдало теми же недостатками, как и, в общем, советское востоковедение.

Конечно, были исследователи, такие как Н.В. Кюннер, М.Н. Пак, Е.И. Кычанов и некоторые другие, которые хорошо владели восточными языками и публиковали научные работы на основе знания языков Восточной Азии. Они в своих академических публикациях затрагивали вопросы средневековой истории Дальнего Востока по письменным источникам в контексте рассмотрения смежных территорий (Кюннер, 1961; Кычанов, 1966), но их было сравнительно немного.

В 1970-е годы изучение Бохая в СССР еще больше активизировалось. К этому времени уже появилось поколение исследователей, проходивших обучение в областях востоковедения и археологии в 1950–1960-х гг. Этому способствовало еще и то, что советские ученые, занимавшиеся исследованием мохэ и чжурчжэней, поневоле касались темы Бохая, так как темы этих исследований во многом связаны в ряде параметров. То же самое можно сказать и о бохэоведах, которые в своих работах затрагивали вопросы изучения мохэ и чжурчжэней.

Примером этому может послужить книга Михаила Васильевича Воробьева «Чжурчжэни и государство Цзинь» (Воробьев, 1975). В своей работе этот советский востоковед анализировал не только чжурчжэньскую тематику, но и касался вопросов изучения бохайской тематики. В

частности, он рассматривал положение бохайского населения в империи Цзинь. По мнению М.В. Воробьева, бохайцы играли важную роль в чжурчжэньском государстве, имели привилегии и занимали высокие посты в Цзинь.

Другим примером является монография С.Н. Гончарова «Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 гг.» (Гончаров, 1986).

Несмотря на то, что эта книга в основном посвящена событиям конфликта между чжурчжэнями и Китаем, в ней содержится интересная информация об участии бохайцев в политической жизни империи Цзинь и войне этого государства против Сунской империи.

Развитие археологических и исторических исследований в регионе требовало наличие какой-то структуры, на которую в дальнейшем могли опираться научные изыскания. Это привело к тому, что в 1976 году Академия наук СССР создала во Владивостоке Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ НДВ ДВО АН СССР). Ученые этого учреждения проводили почти все археологические изыскания в Приморском и Хабаровском краях. Представители этого института — Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Крадин Н.Н., Гельман Е.И., Лещенко Н.В. и многие другие научные сотрудники ИИАЭ, по сути, проводили основные исследования по археологии и истории Бохая.

Но помимо археологических исследований были затронуты и другие области: социальные, исторические и т.д. В частности, это привело к дискуссии о социальном строе Бохая.

Согласно марксистской системе, первоначально принятой в СССР, человеческое общество проходит пять этапов развития: первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм. В связи с малым количеством письменных источников, относящихся к Бохаю, советские ученые могли только предполагать, к какому типу общественного строя относилось бохайское государство.

Дискуссия об этом затронула многих исследователей Советского Союза, занимавшихся изучением Бохая и связанных с ним областей. Но при этом вышеуказанное обсуждение не выходило за рамки марксистской теории. Мы приведем основные версии, относившиеся к дискуссии о социальном строе бохайского государства.

Например, А.П. Окладников полагал, что бохайский социальный строй представлял собой смешанный вариант рабовладения и феодализма (Окладников, 1959; Окладников, Деревянко, 1973). Евгения Ивановна Деревянко считала, что Бохай имел уже сформировавшуюся феодальную структуру (Государство Бохай, 1994). Э.В. Шавкунов утверждал, что в Бохае превалировала система раннего феодализма со многими пережитками архаичного строя. При этом в государстве существовала данническая система, позволявшая получать прибыль от зависимых племен. По мнению Э.В. Шавкунова, бохайский правитель был владельцем всех

земель в государстве (Шавкунов, 1968). Н.Н. Крадин рассматривал вопросы ранней государственности у народов Дальнего Востока, включая бохайцев (Крадин, 2005).

Большие успехи были достигнуты и при полевых работах на бохайских городищах. Археологические экспедиции работали каждый сезон, что позволило собрать большое количество артефактов. Многие археологические отряды занимались раскопками одного памятника на протяжении нескольких сезонов подряд.

На ряде бохайских городищ и поселений было собрано большое количество остеологического материала, который уже в 1980–1990 годы дал много ценной информации о хозяйственной деятельности бохайского населения (Алексеева, Болдин, 1986; 1989: 80; 1994). Исследования костных останков из бохайских памятников в Советском Союзе были уникальными, так как на то время ни в какой другой стране изучение бохайских остеологических материалов не проводилось.

Собранная информация позволила определить виды диких животных, на которых охотились бохайцы, какие виды скота они разводили, выяснить, какую роль животноводство, рыбалка, собирательство и охота играли в жизни средневекового населения. Кроме того, результаты анализа костных останков на каждом памятнике были разными, что позволяет предположить, какой вид экономической деятельности был более развит на том или другом месте проживания бохайцев.

К тому же анализ остеологических материалов показал, что на территории Приморского края существовали виды животных, которые в настоящий момент не обитают на юге Дальнего Востока.

К ним относятся гиена (скорее всего пещерная), суслик, бобр, лесная лошадь, северный олень и другие. Часть останков некоторых животных была не идентифицирована в силу различных обстоятельств (плохой сохранности материалов, отсутствие необходимой техники, малое число специалистов и т.д.). Возможно, некоторые из них относятся к тем видам животных, которые вымерли уже в средневековый период или сильно изменились под давлением различных факторов (как природных, так и человеческих).

Еще одним интересным показателем стал анализ костей морских животных и рыб. Как правило, их находили на различных памятниках, удаленных от морского побережья на 100–200 км (Kim, Burdonov, Mezentsev, 2017; Kim, Burdonov, Mezentsev, 2020). В ходе непубличной дискуссии по данному вопросу российский ученый В.Л. Юн в 2000-е годы предположил, что эти представители фауны могли быть получены местным населением в результате торговли с общинами, проживавшими около морского побережья.

Мы допускаем вариант, что некоторая часть этих животных и рыб могла быть получена в ходе обмена товаров с рыболовецкими группами, жившими у морского побережья. Но большое

расстояние от моря и количество найденных материалов позволяет предположить, что мохэское и бохайское население Приморского края могло совершать длительные охотничьи и рыболовные экспедиции.

В тот период времени большие расстояния являлись серьезным препятствием, так как не было хороших дорог к местам промысла. Это относится как к группам, жившим у побережья, так и в равной степени к тем жителям, которые жили вдалеке от моря. Поэтому обеим сторонам было затруднительно совершать торговые экспедиции друг к другу. Необходимо также учитывать, что такое продовольствие (как рыба и морские животные) является скоропортящимся продуктом в нехолодное время, и его перевозка за сотню километров была нелегким делом.

Поэтому жители на морском побережье не могли в сезон рыболовной добычи заниматься перевозками продуктов на дальние расстояния. К тому же любые длительные путешествия были сопряжены с многочисленными помехами и опасностями и требовали участия в них большого числа мужчин, способных держать оружие и решать вопросы грузоперевозок в пути.

Поэтому мы можем предположить, что такие экспедиции могли быть возможны только при одном условии — большом количестве получаемой пищи, которая могла оправдать поисковому отряду большие расходы времени, усилий и различного рода материалов.

На основе собранных археологических материалов и информации за 1960–1970-е годы советский археолог Валерий Александрович Хорев издал книгу, в которой были собраны сведения обо всех, на то время известных археологических памятниках в Приморском крае, начиная от каменного века и заканчивая чжурчжэньским периодом (Хорев, 1978). Автор проделал огромную работу, которая позволила суммировать и конкретизировать большое количество информации по археологии и топографии. В.А. Хорев в своей работе уделил много внимания и бохайским поселениям, укреплениям, городищам и храмам в крае.

В своей работе автор приводил общие сведения по каждому описываемому памятнику — место расположения, период, время существования, кто его нашел. Эта публикация стала ключевой для многих археологов Дальнего Востока, включая и тех, кто занимался изучением Бохая.

Последующие исследования археологических памятников в 1980–1990-е годы в крае выявили некоторые неточности в этой работе, но это не повлияло на ее популярность среди российских ученых, так как являлась наиболее достоверным источником информации по приморской археологии. Поэтому в 2000-е годы вышеуказанная книга В.А. Хорева переиздавалась с некоторыми исправлениями и дополнениями.

В 1980-е годы начались раскопки Краскинского городища. Уже вышеупомянутый советский археолог В.И. Болдин был начальником первых археологических экспедиций,

изучавших этот памятник. Данное городище является самым большим бохайским городом на территории Приморского края (Ивлиев, Болдин, Никитин, 1998: 152).

Этот памятник важен не только из-за богатого археологического материала, но и географического положения. К тому же рядом с городищем находится бохайский могильник.

Китайские, корейские, российские и японские исследователи предполагают, что Краскинское городище в прошлом было большим бохайским портом, через который шла торговля, ездили бохайские, японские, и, возможно, китайские посольства морскими путями (Шавкунов, 1968: 94; Ван Ся, 1991: 235; Болдин, 1996: 27–30).

Результаты полевых исследований, проходивших десятилетиями, показывают, что в Краскинском городище существовали постройки дворцового типа и большое количество жилищ. Несмотря на то, что до сих пор никаких японских артефактов на памятнике не найдено и доказать, что этот порт был связующим звеном между Бохаем и Японией пока еще сложно, японские и корейские археологи с российскими коллегами часто проводят полевые сезоны на этом городище.

Кроме того, именно на Краскинском городище находят только бохайскую керамику и прочие артефакты. Это существенное отличие от прочих бохайских памятников Приморского края, где бохайская керамика обычно соседствует с мохэской.

К тому же на этом городище российские археологи находят много предметов с явным когурёским культурным влиянием. Поэтому Краскинское городище во многих аспектах является своего рода эталоном бохайской культуры в Приморском крае для археологов. Причем на этом памятнике нет археологических артефактов до и после бохайского времени (Ивлиев, Болдин, Никитин, 1998: 153).

Раскопки также проводились на ряде других бохайских памятников — Кроуновском, Николаевском, Борисовском, Новогордеевском, Константиновском и многих других.

Факт наличия большого количества бохайских памятников на территории юга Дальнего Востока привел к тому, что основные бохайские исследования в Приморском крае опирались на археологию. Исторические же исследования Бохая в тот период времени в основном проходили в Сибири и западной части страны.

В те же 1980-е годы началась дискуссия об этническом составе бохайского государства.

Как правило, советские исследователи, обсуждая вопрос об этнических группах в Бохае, исходили из летописных данных, в которых указывались только два народа, создавших государство — мохэ и когурёское население. Причем в ходе дискуссии все отечественные ученые исходили из того принципа, что мохэское население было доминирующим в Бохае.

Но Э.В. Шавкунов, опираясь на археологические данные, полученные в Приморском крае, считал, что Бохай был государством с многонациональным населением. Археологи,

работавшие на бохайских и чжурчжэньских памятниках, нашли ряд артефактов (аббасидская драхма, тюркские наконечники стрел и т.д.), которые не относятся к дальневосточному региону.

Поэтому Шавкунов предположил, что на территории Бохая существовали общины, прибывшие из других мест. Он полагал, что на юге Дальнего Востока находились многочисленные поселения согдийцев и других выходцев из Средней Азии. Бохайскому государству были выгодны торговые отношения с государствами Центральной Азии, поэтому оно поощряло такую иммиграцию. Также Шакунов утверждал, что на территории Бохая проживали тюркские, киданьские (как западные соседи), нивхские (как северные соседи) и уйгурские группы.

Основанием для этого он считал название одного из титулов второго бохайского правителя Да Уи, по которому он был генерал-губернатором Девяти уйгурских племен (Шавкунов, 1985; 1988). Но, возможно, этот титул носил номинальный характер.

Однако остальные российские исследователи не поддержали данную теорию. Большинство из них полагают, что немногочисленные археологические находки артефактов на территории Приморского края, относившиеся к культурам Центральной Азии, не могут быть основанием для утверждения о существовании различных этнических общин из столь удаленного региона на территории современного Приморского края. Они могли попасть на территорию юга Дальнего Востока в результате торговли или обмена подарками. К тому же в китайских и корейских летописях нет указаний на другие этносы, жившие в Бохае, кроме мохэсцев и когурёсцев.

Но, несмотря на то, что эта теория оказалась практически забыта в России в настоящее время и более никем из ученых в России не поддерживается, в других странах, например, Республике Корея и Японии, она еще пользуется большой популярностью (Сонь, 1992; 1999).

Начало 1990-х годов ознаменовалось большими проблемами для науки. Распад Советского Союза привел к разрушению экономических связей в стране, что привело к резкому сокращению государственного финансирования любых исследований (Ивлиев, Ключев, 2006: 42). Этого не избежали и исследования Бохая в стране. С начала 1990-х годов размах и количество археологических исследований значительно сократились.

Такое положение сказалось и на краеведческой деятельности Общества изучения Амурского края. В частности, оно перестало участвовать в каких-либо полевых исследованиях, а его уже ранее упоминавшееся периодическое научно-популярное издание, «Записки общества Амурского края», стало выходить нерегулярно.

Слабое государственное финансирование привело к сильному оттоку кадров из науки, молодые специалисты после вузов не стремились заниматься научными изысканиями и обучению в аспирантуре в силу экономических факторов.

Практически прекратились остеологические исследования бохайских памятников в Приморском крае, так как они являются довольно трудоемким занятием, требующим высокой квалификации, много времени и затрат. К тому же главный специалист в этой области на юге Дальнего Востока, Э.В. Алексеева, переехала в Сибирь. Поэтому изучение костных останков из бохайских памятников на Дальнем Востоке России после этого частично восстановились, но носят эпизодический характер.

Однако, несмотря на эти проблемы, раскопки бохайских памятников продолжались. Практически каждый год выходили сборники научных работ (в меньшем объеме и реже), посвященных различным областям знания о Бохае. Конечно, ученые не могли издавать большие сборники, полностью посвященные бохайскому государству, но и в условиях экономического кризиса это следует признать большим достижением в науке.

В 1994 году была выпущена коллективная монография «Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России», главным редактором которой выступил Э.В. Шавкунов. В работе над публикацией приняли участие многие специалисты в областях бохайских исследований, в основном, из ИИАЭ. Авторы этого труда суммировали все археологические и значительную часть исторических знаний о Бохае, которые на тот момент были у них в распоряжении. Были приведены практически все достижения советских и российских ученых и их теории, связанные с бохайской тематикой.

Несмотря на то, что данной работе в основном был представлен археологический материал с бохайских памятников Приморского края, вплоть до середины 2000 — х годов эта книга стала базовой для исследователей во всех областях изучения Бохая.

Сложная ситуация с государственным финансированием археологических раскопок была несколько облегчена тем, что с начала 1990-х годов к изучению бохайских памятников стали проявлять интерес корейские и японские организации.

В частности, в 1990-е годы северокорейские археологи принимали участие в российских полевых экспедициях в Кроуновке и Константиновке, южнокорейские специалисты — в Кроуновке, Краскино, Марьяновке, японские ученые — в Краскино. Работа иностранных ученых в раскопках приморских бохайских памятников дала значительное финансовое снабжение этим экспедициям.

Такое сотрудничество оказалось важным и для развития научных контактов — ученые разных стран получили возможность ознакомиться напрямую с материалами, доводами и идеями своих иностранных коллег, принять участие в конференциях и международной дискуссии по многим ключевым вопросам бохаеведения и т.д.

Российские исследователи приняли участие в ряде проектов, семинаров и конференций, опубликовали множество различных научных работ, начиная от тезисов и кончая пространными полевыми отчетами.

В 2000-е годы сотрудничество с зарубежными специалистами в изучении бохайских археологических памятников в Приморье было продолжено в ходе одного сезона раскопок на Горбатке, а также в течение длительного времени на Краскино (с южнокорейскими (до 2019) и японскими учеными (и в настоящее время)) и на Кокшаровке (с южнокорейскими археологами, в настоящее время не проводятся). Работавшие на Краскино ученые применили новые для дальневосточной археологии методы исследований — углеродный анализ, георадар и др.

В 2005 году на базе ДВГУ (современном ДВФУ) был открыт Центр археологических исследований «Бохай». Финансировался он за счет южнокорейской строительной корпорации Кохап. Предполагалось, что Центр сможет сконцентрировать изучение Бохайского государства в регионе, но этого не произошло — основные исследования все равно проводились Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН.

Основной рабочий состав Центра состоял только из одного профессора и одного лаборанта. Сравнительно небольшие успехи в научной и просветительской деятельности данной структуры привели к сворачиванию финансирования из Республики Корея и последующему закрытию Центра в 2019 году.

Кроме того, российские специалисты стали проводить свои исследования за рубежом. Так, в частности, российские археологи совместно с монгольскими коллегами нашли бохайские артефакты на территории Монгольской Народной Республики в ходе раскопок киданьских памятников (Kradin, Ivliev, Ochir, Danilov, Enhtur, Erdenebold, Nikitin, 2005; Kradin, Ivliev, 2008).

Улучшение экономического положения в России в конце 1990-х годов позволило расширить изучение Бохая во многих случаях без помощи иностранных фондов. В частности, это отразилось на проведении многочисленных конференций регионального и международного уровней, связанных с изучением бохайской тематики. Такая активность стимулировала ученых к выпуску большого количества сборников материалов. К тому же в работе этих конференций приняли участие исследователи из других стран, например, государств Корейского полуострова, Китая, Японии, США, Германии и т.д.

Активное изучение российскими исследователями бохаеведения в других странах, изучение новых слоев в бохайских памятниках и открытие новых городищ, относящихся к бохайской государственности, привело к росту получаемой информации о Бохае. В результате этого были накоплены новые знания о бохайском государстве, представленных в виде статей в большом сборнике «Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы» в 2005 году.

В этом академическом труде были представлены научные статьи по разным периодам истории региона, с историей Бохая были связаны публикации А.Л. Ивлиева, Н.Н. Крадина и Ю.Г. Никитина (Ивлиев, 2005; Крадин, 2005; Никитин, 2005).

В этих работах была представлена новая информация по археологии и истории Бохая, которая значительно дополнила данные по истории этого государства. В отличие от предыдущих работ подобного типа, в данной монографии были использованы многочисленные работы на иностранных языках. В частности, в статье А.Л. Ивлиева рассматривается информация по истории Бохая, полученная из китайских и японских источников, которая ранее была неизвестна.

Российские исследователи стали больше проявлять внимания к изучению Бохая в других странах, увеличилось число переводных работ с иностранных языков.

В настоящее время историческим изучением Бохай занимаются Н.Н. Крадин (проблемами ранней государственности у народов Дальнего Востока) (Крадин, 2005; 2010; 2015, Крадин, Ивлиев, 2011), А.Л. Ивлиев (летописные данные по Бохаю, историческое и археологическое бохаеведение, изучение этой темы в Китае) (Ivliev, 1999; Ивлиев, 2005; Kradin, Ivliev, 2008). Сравнительно слабее представлены изучения Бохая в Японии и на Корейском полуострове. Вопросами исследования бохайской тематики в Европе или США по сути никто не занимается.

Представителей археологического изучения Бохая в России значительно больше. Это В.И. Болдин (первый советский археолог, кто стал заниматься Краскинским городищем) (Болдин, 1996; Болдин, Гельман, 2005, Ивлиев, Болдин, 2006; Болдин, 2015, 2017), Е.И. Гельман (Бохайская тематика, связанная с ремеслами, раскопки бохайских памятников) (Болдин, Гельман, 2005; Никитин, Гельман, 2002, Гельман, 2013, 2017), Ю.Г. Никитин (в настоящее время является директором музея ИИАЭ НДВ ДВО РАН, исследует бохайские артефакты) (Никитин, Гельман, 2002, Никитин, 2005), Н.В. Лещенко (экономическая активность и ремесла) (Лещенко, 2012, 2017; Лещенко, Прокопец, 2015), Е.В. Асташенкова (Искусство и культура) (Асташенкова, 2012, 2017; Асташенкова, Пискарева, 2016), Я.Е. Пискарева (керамика, мохэ) (Асташенкова, Пискарева, Сергушева, 2011; Пискарева, 2013).

Н.Г. Артемьева в основном занимается проведением раскопок и разведок чжурчжэньских памятников, но временами касается своими исследованиями и бохайской тематики (Momot, Kim, Artemyeva, 2016), О.В. Дьякова изначально занималась археологией Приамурского региона, но в своих работах затрагивает и изучение Бохая (Дьякова, 2014). Е.А. Сергушева работает в области земледелия древнего и средневекового Дальнего Востока, включая Бохай (Сергушева, 2012, 2014, Сергушева, Гельман, 2014).

До 2000-х годов Бохай в России рассматривался в основном в контексте китайских источников и в системе взаимоотношений с империей Тан. Конечно, японские материалы не

были обойдены вниманием, но их сравнительно мало, к тому же в территориальном плане Бохай не имел никакого отношения к японской империи.

Но в начале XXI века ситуация несколько изменилась, так как ряд российских корееведов стал изучать Бохай через структуру отношений на Корейском полуострове, так как бохайское государство включало в себя земли современной северной части Кореи (Толстокулаков, 2002; Торкунов, 2003; Тихонов, 2003; Курбанов, 2009). Поэтому в ряде случаев они стали использовать в своих публикациях по бохайской тематике корейское название Бохая — Пархэ (Пальхэ).

Со временем в России стали возрождаться остеологические исследования бохайских материалов (Панасенко, Гельман, 2008; 2009; Лапшин, Момот, 2011; Момот, Камлия, 2011; Беседнов, Гельман, 2011; Шарова, Гельман, Раков, 2011; Момот, Ким, Артемьева, Лапшин, Момот, 2013; Омелько, Винокурова, 2014), но, конечно, не в том объеме как в советское время, и они носят непостоянный характер. Причиной этому является нехватка специалистов и большой объем работы.

Таким образом, как мы видим, несмотря на трудности 1990-х годов, в последующие годы российское бохаеведение смогло восстановить свои позиции во многих аспектах исследований и открыло новые области знания при изучении Бохая.

Также отметился рост количества публикаций российских исследователей, связанных с изучением Бохая. Если в 1998 году у них было около 300 работ (Хан Кю-чхоль, 1992; 1999), то в 2001 году российские ученые уже имели на своем счету 333 публикации (Хан Кю-чхоль, 2006: 65–68).

Подводя итог, мы можем отметить ряд особенностей изучения Бохая в России. Несмотря на то, что бохайские исследования в нашей стране начинались с исторического аспекта, в дальнейшем инициатива перешла к археологическим изысканиям.

В последнее время снова поднимается историческое изучение Бохая, причем с использованием иностранной литературы, что, в совокупности с исследованием археологических материалов, дает дополнительную информацию и более полное представление о бохайском государстве и его жителях на территории современного Приморского края.

Также российские исследователи по возможности стремятся ознакомиться с новыми тенденциями изучения в бохаеведении за рубежом или в других отраслях науки (Зверев, Полищук, 2010; Бессонова, 2011; Бессонова, Савченко, 2011; Сакаи, Кисида, 2014).

Но при этом в российском бохаеведении остается много проблем. Одной из ключевых является преемственность поколений ученых. Сравнительно низкое финансирование науки приводит к тому, что в изучении Бохая (как и во многих других науках) очень мало молодых ученых. Остается низкой востоковедческая подготовка кадров.

ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Изучение истории Бохая в Корее, как правило, было связано с оценкой отношения этого государства к истории Кореи и корейскому этносу. Вопрос о месте Бохая в корейской истории, по мнению южнокорейских исследователей, рассматривался еще в эпоху Корё.

Однако такое утверждение является спорным. В 1145 г. была создана знаменитая «Самгук саги», которая является первым корейским письменным источником по древней истории Корейского полуострова. Но в ней бохайское государство никак не фигурирует в списке корейских государственных образований. Это ясно даёт понять отношение корёсцев к Бохаю.

Тем не менее исследователи с юга Корейского полуострова полагают, что не все корёсцы придерживались такой точки зрения. И некоторые их доводы вполне правдоподобны. В частности, указывается, что это был первый письменный источник на Корейском полуострове, который, в силу этого, имел много изъянов и ошибок. В частности, в этой летописи была очевидная большая проблема с источниковедческой базой — авторы использовали в основном только корейские материалы, отсутствует массовое использование иностранных источников, тех же китайских и японских летописей.

Конечно, это создает определенную однобокость излагаемой информации в документе. Мало того, по мнению южнокорейских ученых, позиции тогдашнего руководства страны временами отличались от версии, изложенной в «Самгуксаги». Например, они отмечают, что основатель королевства Корё Вань Гон утверждал, что «Бохай — родственная (нам) страна».

Хан Кю-чхоль полагает, что Вань Гон не был враждебно настроен к киданям в начале своего правления. Но мы полагаем, что в период образования Корё он просто не мог относиться враждебно к кому-либо за пределами Корейского полуострова — Вань Гон был занят вопросом укрепления своей власти внутри страны, в которой было неспокойно. Поэтому он вряд ли обращал внимание на какие-то кочевые племена на северном направлении, военное столкновение с которыми для него не могло быть в ближайшем будущем.

Однако, по мнению исследователей из юга Корейского полуострова, после гибели Бохая в 926 г. отношение основателя Корё к киданям изменилось, примером этому является инцидент у моста Манпугё. Суть данного инцидента заключается в следующем. Киданьские послы прибыли в Корё на верблюдах, которые были предназначены в качестве подарка корёскому королю. Но из-за политических разногласий между сторонами киданьские послы были отправлены в большой спешке обратно домой, а их верблюды оставлены у вышеуказанного моста и умерли голодной смертью (Хан Кю-чхоль, 1992).

Корё рассматривало Бохай, как «родственную страну» в ходе переговоров с Поздним Пэкче. Возможно, такое определение отношений было дано потому, что между правящими домами Бохая и Корё были установлены брачные отношения.

Но мы полагаем, что причина изменения отношения Вань Гона была в следующем. Как бы это ни было, Бохай являлся своего рода буфером, прикрывавшим Корейский полуостров (в частности, Корё) от военного вторжения с материка.

К тому же установление брачных отношений (если они и имели место) между бохайским и корёским правящими домами, были очень важны в первую очередь для Вань Гона. По сути, они были дипломатическим признанием молодого государства, еще не закрепившегося на территории Корейского полуострова, со стороны Бохая — королевства, уже давно признанного Китаем.

Конечно, в годы расцвета государства Да Цзожуна и слабости Силла бохайские войска пользовались удобными случаями и вторгались в южном направлении, захватывая земли и вытесняя в ряде районов силланскую администрацию.

Но это было задолго до образования королевства Корё, поэтому для корёсцев вторжения бохайцев на полуостров были просто историей, причем неактуальной. К тому же в тот период (конец IX — начало X в.) времени Бохай уже и не помышлял о какой-либо внешней военной экспансии, так как был вынужден вести тяжелую оборонительную войну против сильного противника с западного направления — киданей. Поэтому корёсцы чувствовали себя сравнительно спокойно.

Падение государства Да Иньчжуана в 926 году резко изменило международную обстановку в регионе. Корё было поставлено перед новым фактом — Бохай был разгромлен, а к границам Корё подходили киданьские племена: малоизвестные, непредсказуемые и потому вызывавшие враждебное отношение у Вань Гона. К тому же они воевали с Китаем — давним сюзереном почти всех государств на Корейском полуострове. Только один этот факт уже накладывал свой отпечаток на отношения между новыми соседями.

К тому же сравнительно быстрый разгром Бохая степными племенами мог вызывать чувства опасения у корёских лидеров — было очевидно, что кидани обладали большими военными силами, чем корейское государство. И точно было неизвестно, куда они направятся для своих последующих завоеваний.

По мнению историков юга Корейского полуострова, ранние корёсцы рассматривали существование Бохая и Силла следующим образом. Они считали, что Корё — наследник Когурё и принимали следующую схему наследования: Когурё — Бохай — Корё (Хан Кю-чхоль 1992). Примерно после 40-летнего хаоса после распада Силла, в ходе которого шла борьба между поздними тремя государствами, была создана единая королевская династия (936 г.).

По мнению бохаведов Республики Корея, некоторые летописцы Корё рассматривали историю Бохая как историю родственного государства. Основания для этого были следующие: Корё не стало наследовать официальное название Силла. Южнокорейские исследователи полагают, что королевство Корё в то время воспринималось как «Когурё» или его наследник. И это слово использовалось в качестве официального названия нового государства. Но мы полагаем, что дело было в другом: в свое время Когурё было противником Силла в военном и дипломатическом отношениях, а корёсцы стремились создать свое государство на обломках силланского королевства.

Судя по всему, последнее не пользовалось популярностью у населения, скорее всего, это было связано с тем, что Силла не оправдала надежд своих жителей на спокойную и стабильную жизнь. К тому же в нем был высокий уровень коррупции и клановости, что тоже не поднимало популярности государству. В обратном случае корёсцы бы попытались обратиться к славному прошлому этого государства и стремиться построить новое государственное образование, играя на просилланских настроениях населения. В этом случае сановникам Корё оставалось опираться на идею связи с Когурё, к тому времени во многом забытого государства и в свое время противостоявшего Силла.

Такие настроения оказали влияние на выбор столицы Корё — Кёнджу, которая находилась на старых землях когурёского государства. Многие южнокорейские бохаведы считают, что исторически Корё наследовало Когурё, но фактически — Силла.

Этим объясняется то, что сразу после своего образования Корё признавало Бохай как родственное государство, но не рассматривало его как наследника Когурё. Но мы полагаем, что Корё и не могло рассматривать бохайское государство как наследника Когурё, так как само претендовало на его наследие.

В эпоху Силла жители Корейского полуострова не обращали внимания на отношение Когурё к Бохаю (Хан Кю-чхоль, 1992) в силу проблем государственного статуса, из-за которого между Силла и Бохаем шли частые конфликты (Kim, 2017).

Но здесь мы отметим ряд неточностей в точках зрения корейских исследователей.

Дело в том, что Бохай продолжал существовать и в период поздних трех государств до 926 г., но его существование в корейской истории игнорируется самими местными летописцами. При описании событий пост-силланского периода они используют термин «Хусамгук» (поздние три государства — это Силла, Позднее Пэкче, Тхэбон), обозначающим этот этап корейской истории.

Использование такого понятия в летописях достаточно красноречиво свидетельствует о непризнании за Бохаем места в истории Кореи официальными историками того времени. Да и после гибели бохайского королевства его население также продолжало существовать на

территории Ляо, китайских государств и самого Корё, но при этом оно далеко не всегда признавалось родственным в корёском королевстве и имело ряд ограничений (Ким, 2015).

По мнению исследователей юга Корейского полуострова, корёсцы признавали бохайскую историю как корейскую в начале существования своего государства. Такая позиция поддерживалась и после попыток продвижения Корё на север в XI в.

Это было связано с тем, что в ранний период Корё считалось наследником Когурё, что стало предлогом для попыток «возвращения» своих земель на севере, то есть в Маньчжурии. Но после создания чжурчжэньской империи Цзинь и последующего периода монгольской экспансии на Корейский полуостров корёсцы были вынуждены умерить свои территориальные притязания к соседям и проводить полуизоляционную политику.

Хотя в XII в. партия монаха Мёнчжона настаивала на рассмотрении принадлежности Бохая к корейской истории, пока их лидер не был отправлен в отставку (Хан Кю-чхоль, 1992). Возможно, данное требование сторонников Мёнчжона было связано с тем, что их предводитель враждебно относился к чжурчжэньской империи Цзинь и, невзирая на политические и экономические реалии настоящего времени, стремился развязать войну против северного соседа (Воробьев, 1975).

Мы полагаем, дело было в том, что партия Мёнчжона рассматривала чжурчжэней как варваров со всеми исходящими из этого выводами, в том числе недооценкой их возможностей. В этом случае, если Бохай воспринимался как родственная страна, то война Корё против чжурчжэней получала предлог: возвращение «своих» земель. Таким образом, имела место попытка вызвать патриотические чувства у корёского населения для начала внешнеполитической экспансии.

Но мнение Мёнчжона и его единомышленников не имело связи с рассмотрением исторических отношений Бохая с Силла и Корё (Хан Кю-чхоль, 1992), а только политический аспект. Корёские государственные деятели более трезво оценивали ситуацию, поэтому смогли просчитать его действия и нейтрализовать монаха.

После этого вышли «Самгук юса» (около 1281 г.) и «Чеваньунги» (1287 г.), авторы которых уделили Бохаю больше внимания, чем их предшественники. Если в «Самгук саги», следуя китайской версии, Да Цзожун являлся «сумо мохэсцем», то в «Чеваньунги» он стал когурёсцем. Таким образом, в ту эпоху основатель бохайского государства рассматривался двойственно — его считали и сумо мохэсцем, и когурёсцем (Хан Кю-чхоль 1992).

Несколько иначе обстояла ситуация в период Чосон. В эту эпоху было создано много исторических книг, но в основном они отражали мнение о Бохае, выраженное в двух работах той эпохи: «Самгуксачарё» (Извлечения из истории Трёх государств) (1482?) и «Тоньгуктхонькам» (Общие сведения по восточным странам) (1485). В них просто

использовались данные китайской летописи «Цзю Тан шу» без какого-либо исторического рассмотрения и критики.

Но это имело и свою положительную роль: в этих работах записей по Бохаю значительно больше, чем в корёской «Самгук саги», так как использовались китайские материалы, что одобрительно рассматривается современными корейскими исследователями. Однако в это время государство Чосон, как и до этого Корё, стремилось удерживать свои границы от нападения сильных соседей, и это оказало влияние на описание древней истории.

Исторических записей по бохайскому государству было много, но изучение Бохая в тот период времени активностью не отличалось (Хан Кю-чхоль 1992) в силу ряда обстоятельств.

Следующей вехой в изучении бохайской истории и осмыслении ее отношения к Корее, по мнению историков Республики Корея, было движение Сирхак.

Это литературное и научное движение сыграло большую роль в научном и культурном подъеме Корейского полуострова. Было также много уделено внимания определению места Бохая в корейской истории.

В это время, в силу стечения разных обстоятельств, в Корее рухнула система ценностей конфуцианской идеологии, поэтому была изменена историческая традиция. В результате этих событий в стране поднялась новая историческая тенденция, стремившаяся включить Бохай в систему корейской истории.

Особенностью деятельности представителей движения Сирхак в исторической науке было стремление доказать, что в разные периоды истории Корея иногда занимала международное положение, равное положению Китая. Поэтому деятели Сирхак искали основания для утверждения, что корейская история была вполне самостоятельна и не менее существенна и важна, чем история Китая. Временами это приводило к умышленному необоснованному повышению роли корейских государств в истории.

Но, с другой стороны, это стремление было важным для укрепления истории своей страны, которая длительное время находилась под иностранным влиянием.

Другим социальным фактором стало объективное самосознание национального территориального пространства в корейской истории. Оно отражало возникновение и развитие изучения прав на земли, которые когда-то принадлежали древним когурёсцам, что, по мнению корейских исследователей, невозможно было игнорировать даже в тогдашнем обществе (Хан Кю-чхоль, 1992).

Многие представители культуры обратили внимание на историю Бохая и использовали ее для повышения роли Кореи в истории Восточной Азии. Некоторые из них видели бохайскую историю в связке с силланским королевством, другие изучали Бохай без какой-либо связи с их

соседями силланцами. Однако далеко не все деятели Сирхак относили это государство к корейской истории.

Так, например, Хан Кю-чхоль отмечал, что видные представители этого движения, такие как Сонь Хо-иик (1681–1763) и Ан Чжонь-бок (1712–1791), во многом придерживаясь позиций историков начального периода Чосон, не описывали Бохай как территорию корейского народа (Хан Кю-чхоль, 1992).

Ан Чжонь-бок во вступительных замечаниях к «Тоньгуктхонькам» в вопросе об истории соседних стран, в том числе и о Бохэе, не относил бохайское государство к корейской истории.

Сонь Хо-иик поддерживал мысль Ан Чжонь-пока и утверждал схему — Чосон Тангуна — Чосон Кичжа — Самхан (Махан) — период трех государств — Объединенное Силла. Поэтому, рассуждая о трех государствах или об Объединённом Силла, они исключили государство Бохай из корейской истории (Хан Кю-чхоль, 1992). По их мнению, Бохай был создан мохэсками, племена которых они не относили к корейской нации. И, соответственно, это государство, исходя из их убеждений, не могло быть частью корейской истории.

Однако многие другие деятели движения Сирхак имели диаметрально противоположную точку зрения.

Так, например, И Чжонь-хви (1713–1786) в «Тоньса» (Общая история) описывал корейскую историю по эпохам — Тангун — Кичжа — Самхан — Поздняя Чосон и представлял «эпоху Бохая» наряду с периодами Пуё, Кичжа и Кая. Далее он писал, опираясь на китайские летописи: «Бохайский законный король — Тэ, по имени Чжо Ёнь, но предок был из когурёских сокмаль мальгаль» (сумо мохэ).

Хонь Сок-чжу (1774–1842) в работах «Тоньса» и «Пархэсидэ» (Эпоха Бохая) включал Бохай в систему корейской истории. Корейские литераторы ещё не могли освободиться от китайского влияния в понимании истории стран, расположенных восточнее Китая. Но признание Бохая в качестве независимого корейского государства было, по мнению Хан Кю-чхоля, большим достижением для корейской истории того времени (Хан Кю-чхоль, 1992). Но при этом необходимо отметить, у них явно не хватало твердых аргументов для поддержания своей позиции.

Чжонь Як-ён (1762–1836) также признавал Бохай как часть корейской истории. Он опубликовал с двумя другими деятелями Сирхак — Хан Чхи-юном и Хонь Сок-чжу — «Пархэсэги» (Эпоха Бохая) и «Хэдоньёкса» (История земель Восточного Моря), а «Пархэго» и «Пархэсокко» (Исследование внутреннего положения Бохая) написал сам. Если при изучении географии востока он писал, что «Бохай опирался на земли Когурё», то позже Чжонь Як-ён это рассматривал больше с использованием исторических материалов.

Другой представитель движения, Ким Чжонъ-хо (дата рождения неизвестна — 1864), в своей работе «Тедончжичжи» (Описание восточных земель) признавал период сосуществования Силла и Бохая как период Южного и Северного государств в корейской истории, но утверждал, что при Корё было создано единое корейское государство, а не при Силла (Хан Кю-чхоль, 1992).

Хан Чхи-юн (1765–1814) был одним из самых известных литераторов движения Сирхак. Он тоже утверждал, что история Бохая относится к истории Кореи. В системе эпох своего труда «Хэдонъёкса» — Тангун — Кичжа — Виманчосон — Самхан — Е — Мэк — Пуё — Окчжо, Когурё, Пэкче, Силла, Корё, он выделил Бохай наряду с Корё.

Хотя основой его работ были иностранные материалы, в частности, китайские летописи, но, по мнению Хан Кю-чхоля, положение Бохая в корейской истории в его работах было ясно: он рассматривал Бохай как корейское государство.

Здесь понятие «эпоха» в корейской истории относилось не только к периоду Трёх государств и Корё, но и к времени совместного существования Бохая и Силла. В географии, написанной Хан Чхи-юном, также обращает на себя внимание то, что история бохайского государства рассматривается как история корейского народа (Хан Кю-чхоль, 1992).

По мнению южнокорейских ученых, в эпоху Сирхак для утверждения Бохая в системе корейской истории много сделал Ю Тык-конъ (1749 — ?) (Хан Кю-чхоль, 1992).

Он был первым, кто ввел понятие периода Южного и Северного государств в изучении Кореи и собрал в своей работе «Пархэ Го» (Исследование Бохая) много записей из китайских летописей по истории бохайского государства (Ю Тык-конъ, 2000).

Именно его работа стала ключевой для рассмотрения положения Бохая, так как он пытался на основе корейских и иностранных материалов анализировать историю во многом забытого древнего государства. К тому же он был первым ученым, кто с научной точки зрения пытался обосновать свою позицию по отношению Бохая к истории Кореи. Поэтому на его работы до сих пор ссылаются южнокорейские исследователи при изучении бохайского государства.

Но после движения Сирхак в изучении корейской истории снова наступил спад. Этого не избежало и бохаеведение на Корейском полуострове — никто практически им не занимался на протяжении большого отрезка времени.

Метод описания придворной историографии, который использовался на Корейском полуострове еще до движения Сирхак, был принят в «Чосонёкдэсаряк» (Краткая история Чосон) (1895) и «Тонгукёкдэсаряк» (Краткая история восточного государства) (1899), где отдельно выделяется период существования Силла, а бохайское время было описано скорее формально.

В этой истории бохайского государства нет никаких записей о его границах, и в основном он представляется как соседняя с Силла страна. Такой метод описания был использован в

работе «Тоньгуктхонгам», которая была написана еще до Чосон. Поэтому в этой публикации указывалось, что бохайцы были «изначально сумо мохэ из особого рода Когурё», согласно содержанию «Синь тан шу» и «Цзю тан шу».

Схожая тенденция описания записей из хроник по Бохаю выражается и в ряде других публикациях того периода, в частности, в монографиях «Потхонкёкватонгукъёкса» (Начальный учебник истории восточных государств) (1899), «Тетонъёксаряк» (Краткая история восточных земель) (1906), «Синчжонтонгукъёкса» (Исправленная история восточного государства) (1906), «Техан ёкса» (Об истории) (1908) и другие (Хан Кю-чхоль, 1992).

В конце XIX в. в период Ханмаль (в Корее под ним понимается период кризиса королевства Чосон перед началом японской оккупации) ситуация несколько изменилась под растущим давлением Японской империи, которое проникало практически во все сферы корейского общества. Поэтому большое влияние на корейскую историографию стали оказывать работы японских историков.

В частности, к ним относится публикация японского исследователя Хаяси «Чосонса» (История Чосон) (1892), в которую была включена история Бохая, но связи между ним и Когурё не рассматривались вовсе. По мнению южнокорейских исследователей, в этой и других работах японских историков выражалась явная недооценка роли бохайского государства в корейской истории.

Хотя, по нашему мнению, имел место ряд публикаций корейских авторов, которые вообще отрицали место Бохая в истории Кореи, причем писали об этом до и после данной публикации японского историка. Однако их работы не подверглись такой критике со стороны корейских исследователей, как вышеупомянутая монография Хаяси.

Но тем не менее нельзя сказать, что представление о Бохае, как о части истории Кореи, в этот период не было утрачено до конца. Конечно, многие представители корейской интеллигенции активно изучали прошлое, опирались на работы представителей Сирхак и выпускали свои публикации. К тому же в силу антияпонских настроений в своей среде они стремились хоть в чем-то выступить против японских постулатов, в том числе и в истории.

Примером этому может служить работа «Чходынпонгукъёкса» (Начало родной истории) (1908), где имеется часть, посвященная бохайскому государству, в нем Бохай представлялся как «остаток Когурё» в корейской истории.

Система представлений о бохайском государстве изменилась во время колонизации Японией Корейского полуострова. В итоге, в колониальный период Бохай был вырезан из истории Кореи и включен в историю Маньчжурии.

Судя по всему, в данном случае японцы исходили из практических соображений: ведь бохайские владения в большей степени находились на территории Маньчжурии, чем на землях

Корейского полуострова. Но корейские исследователи полагают, что этим ходом японских исследователей умалялась роль Бохая в истории Кореи.

Был выпущен ряд работ, посвященных новой трактовке исторических событий. Так, в работе «Чосон кильчжапи» (Указатель по Чосон) (1936), посвящённой 25-летию японского империалистического владычества в Корее, полностью отсутствуют материалы по истории Бохая. В относящейся к этому периоду шестой главе, в разделе «Эпоха Объединённого Силла» только кратко излагается процесс возвращения силланцами части когурёских земель, захваченных Тан. В этом случае японцы, по-видимому, стремились поддержать идею того, что корейцы успешно противостояли Китаю в прошлом.

В целом, в этот период в корейской историографии ведущее место занимали работы японских исследователей. Следует отметить, что эта ситуация была не случайна — все-таки в этот период времени японские ученые были квалифицированнее в областях научного знания, чем их корейские коллеги.

Этому способствовала не только более систематизированная подготовка исследователей, но и активные контакты с зарубежными учеными, что во многих случаях шло на пользу японской науке. Например, с января 1908 г. на материке действовал «Кабинет историко-географических исследований», возглавляемый Сиратори Куракити. Некоторые японские историки были знакомы с библиотекой Общества Изучения Амурского края, ездили во Владивосток. Ещё с конца XIX в. в Японии работал ученик Леопольда Ранке — Людвиг Рисс. Его деятельность оказала большое влияние на японских ученых (Рю Хакку, 1975: 20–21).

Поэтому, несмотря на влияние политического момента на историков Японии, в научном плане они все равно существенно превосходили корейских специалистов. Но это не мешало последним издать ряд публикаций, связанных с историей Бохая, в которых корейские исследователи выражали своё мнение, далеко не всегда совпадавшее с точками зрения японских коллег.

Так, например, в работе «Токсасинрон» (Чтения по истории: новое толкование) (1908) корейский историк Син Чхэ-хо утверждал, что Бохай был корейским государством.

В 1930 г. вышла «Чосон ёксаканхва» (Лекции по истории Чосон). Шестая глава этой книги называется «Объединённое Силла», а седьмая — «Эпоха Бохая», где Бохай представлен отдельно в корейской истории. Однако в ней внешнеполитические отношения бохайского государства во многом описаны по материалам королевства Объединённое Силла, и, по сути, выражается методика рассмотрения истории, присущей периоду Ханмаль (так называется в Корее последний период существования Чосон перед оккупацией Японией).

В описании истории Бохая нет ничего нового. Минусом этой работы, по мнению Хан Кючхоля, является отсутствие критики политизированного изучения истории Кореи в

колониальный период (Хан Кю-чхоль, 1992). Но в условиях японской оккупации такая деятельность любого ученого была чревата неприятными последствиями.

Поэтому критика японских позиций в истории могла быть только косвенной и могла выражаться в виде намеков. К ним относятся и попытки переосмыслить некоторые личности и представления в корейской древней истории.

Так, в книге «Чосон сангоса» (Древняя история Чосон) (1931) ранее уважаемые герои периода Трех государств, силланцы Ким Ю-син и Ким Чхун-чху были подвергнуты резкой критике со стороны авторов издания, потому что Силла после периода Трех государств и изгнания армии империи Тан с территории Корейского полуострова не смогла достичь единства страны.

Несмотря на большое влияние Японии в корейской исторической науке, оппозиционная точка зрения Син Чхэ-хо все же в чем-то поддерживалась. Так, в работе «Кукса» (История государства) (год выпуска — 1916, ее переиздание было в 1946) использовалось название «эпоха Трех государств и время Южного и Северного государств», где историческое значение истории Бохая было приравнено к Силла в корейской истории.

В другой публикации «Чосон юги» (Общая история Чосон) (год выпуска — 1924, работа прошла через переиздание в 1945) есть глава, которая называется «эпоха Южного и Северного государств», где ясно выделяется бохайский период.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на давление со стороны японской администрации и доминирование японской науки, бохаеведение в Корее достаточно свободно развивалось. Примером этому могут быть корейские ученые, публиковавшие книги, далеко не всегда соответствовавшие японским стандартам понимания истории Корейского полуострова.

Период 1945–1953 гг. ничем примечательным в изучении Бохая на Корейском полуострове не отметился — страна находилась в сложном экономическом и политическом положении, два государства вели между собой ожесточенную борьбу, поэтому наука не имела возможности развиваться.

К тому же в странах шла непростая смена поколений в научном мире — уходили многие люди, которые были воспитаны в прояпонской системе, а для подготовки молодых исследователей, свободных от прежних предрассудков в научном мире, было необходимо время, наставники и возможности.

Разумеется, трехлетний кровопролитный конфликт на Корейском полуострове, получивший название Корейской войны, еще больше загнал в странах науку в состояние полной стагнации. Разделение Кореи на два государства тоже не способствовало изучению Бохая и других тем в обеих сторонах.

После Корейской войны 1950–1953 годов научные круги Республики Корея и КНДР находились в разных положениях. После оккупации Корейского полуострова в обеих странах катастрофически не хватало образованных специалистов практически во всех областях. На Корейском полуострове проживало примерно 30 миллионов жителей. А высшее образование имели всего 4–5 тысяч человек (Ланьков А. [Электронный ресурс]), среди которых многие получили образование в Японии, то есть люди, потенциально ненадежные во многих аспектах.

КНДР решила эту проблему через Китай и СССР, попросив их отправить в Северную Корею образованных граждан корейского происхождения, что союзники и сделали (Ким Г. [Электронный ресурс]). Более подробно мы это описываем в соответствующей главе.

Республика Корея была лишена такой возможности, и ей пришлось довольствоваться только тем, что у нее было — в основном своей интеллигенцией, воспитанной в прояпонских традициях (Ким Г. [Электронный ресурс]). В дальнейшем в стране стали делаться попытки готовить свои собственные местные кадры в науке или отправлять ученых на переподготовку в другие страны.

Но уровень своих специалистов в исторических областях на юге Корейского полуострова был явно невысоким, к тому же во многих случаях односторонним.

Причиной такого незавидного положения было господство мнений японских ученых в корейской исторической науке во время оккупации Корейского полуострова в 1911–1945 годах (Рю Хакку, 1975). Это, разумеется, сыграло свою немаловажную роль в дальнейшем.

Признавая за японскими учеными той эпохи вклад в активное изучение бохайских памятников на севере Корейского полуострова и в Маньчжурии в 1933–1945 годах (Когурё ёнгухвэ гукчэ хаксультэхва..., 1999: 160; Хан Кю-чхоль, 1999), корейские ученые в целом негативно оценивают японскую монополизацию исторической науки в Корее. В то время японцы стремились всеми силами не допустить развитие каких-либо патриотических настроений среди корейцев (Рю Хакку, 1975). Это оказало большое влияние на многие сферы образования и науки.

По мнению Хан Кю Чхолья, не избежала этого и историческая наука, в том числе бохаеведение (Хан Кю-чхоль, 1992), хотя выше мы уже рассматривали прецеденты того, что японская политика не смогла охватить всю корейскую интеллигенцию.

Изучение Бохая в Республике Корея рассматривалось и определялось, прежде всего, пониманием его роли в истории Кореи и корейского этноса. Как уже выше указывалось, в предшествующий образованию Республики Корея период на Корейском полуострове господствовала поощряемая японскими колонизаторами концепция, согласно которой в VIII — начале X в. история Кореи представлялась государством Объединенная Силла, а Бохай был вне корейской истории.

Поэтому первоначально изучению этого государства на юге Корейского полуострова не уделялось большого внимания. Даже сами ученые Республики Корея признавали то, что в 60–70-е годы XX в. северокорейская историческая наука значительно превосходила южнокорейскую (Сонь Ки-хо, 1995а) практически во всех областях, включая исследования Бохая.

Причинами этого были: во-первых, большое влияние старой японской исторической мысли, которая отражалась ещё в учебниках 80-х годах XX в. (Хан Кю-чхоль, 1999); во-вторых, наличие на севере большого количества археологических памятников Бохая, Когурё и других государств, чего не было на юге Корейского полуострова. В-третьих, более серьёзной была базовая подготовка научных кадров КНДР, на которую, видимо, оказали большое влияние хорошо подготовленные специалисты, прибывшие в свое время на север Корейского полуострова из Китая и СССР.

На юге Корейского полуострова первые попытки научного изучения истории Бохая начались в конце 70-х — начале 80-х годах прошлого века. Это была первая волна бохаеведов в Республике Корея, которые начинали изучать столь сложную тему.

Так, Ким Чжонь-вон был первым, кто изучал систему бохайских сурёнов, Ким Ви-хён — оставшееся бохайское население, Со Бён-гук — проблему границ Силла и Бохая, а также племена мальгаль (мохэ). Историографией изучения Бохая на Корейском полуострове до второй мировой войны занимался И Ман-рёль, Чхо Му-чжань исследовал изучение Бохая в Китае, Чжо Дон-иль — бохайскую литературу.

Специализацией Ан Хви-чжона было бохайское искусство, Сон Бань-сона — бохайская музыка, а Но Тхэ-дона — сравнительное изучение бохайского государства в Китае и Японии (Шавкунов, 1992: 73), И Пён-кон — бохайскую архитектуру (И Пён-кон, 1999, 2004). Ким Чжонь-бэ — общими политическими вопросами Бохая.

Помимо этого, он являлся влиятельной политической фигурой в своей стране, благодаря чему Ким Чжонь-бэ смог продвинуть изучение Бохая не только в Южной Корее, но и за рубежом. Благодаря ему были организованы совместные археологические экспедиции в Приморском крае, обзорные поездки в Китай и так далее. В свое время в разные периоды Ким Чжонь-бэ был ректором университета Корё (второй вуз по популярности в Южной Корее), президентом Академии изучения Кореи, создателем Фонда изучения Когурё. Его поддержка бохайских исследований в Республике Корея позволили выдвинуться Ку Нан-хи, Ким Ын-гуку и многим другим специалистам по Бохаю.

В настоящее время, несмотря на пенсионный возраст, он по-прежнему работает. На 2016 год Ким Чжонь-бэ занимал административной пост в колледже в провинции.

Ряд специалистов второй волны стали исследовать более узкие темы в изучении Бохая, в частности, Ким Мин-чжи занимается вопросами бохайской одежды (Ким Мин-чжи, И Сун-вон, 2000), Ку Нан-хи (профессор из Академии изучения Кореи) — отношениями Бохая и Японии, а также отражением бохайской тематики в учебниках за рубежом (Ку Нан-хи, 1998, 1999, 2004, 2005, 2009), Кан Сонъ-бонъ — системой бохайской гвардии (Кан Сонъ-бонъ, 2005), Ким Чжин-кванъ (исследователь также из Академии изучения Кореи) и И Хе-хёнъ — территориальным вопросом Бохая (Ким Чжин-кванъ, 2005; И Хе-хёнъ, 1999), Чжонъ Сок-бэ (университет культурного наследия из Пуё) — археологическими раскопками бохайских памятников в России (Чжонъ, 2019) и так далее.

Ведущими среди ученых Республики Корея становятся Хан Кю-чхоль, Сонъ Ки-хо и Им Санъ-сон. Речь о них пойдет ниже. В это время большое значение для южнокорейских научных кругов имели северокорейские публикации.

И действительно, в 90-х годах XX в. многие южнокорейские исследователи ссылались на работы известных северокорейских специалистов — бохаеведов, таких как Пак Си-хёнъ, Ёнь Чжу-хонъ и других. Были переизданы в Республике Корея сборники статей и монографий исследователей КНДР (Пархэса Ёнгу 3, 1993; Пак Си-хёнъ, 1991; 1995; 2000; Вэрёчхимрягыль пантэхан пархэ ..., 1995).

При формировании вышеуказанных сборников статей северокорейских ученых отбор работ был сделан в пользу археологических материалов. Такие работы в бохаеведении Республики Корея являются традиционно слабым местом (Пархэса Ёнгу 3, 1993; Панъ Хак-бонъ, 1995; 1995а; 1995б; Ом Чан-рок, 1995; Чонъ Ёнь-чжин, 1995). Другим критерием отбора работ стали основные спорные проблемы истории и археологии Бохая, по которым у ученых севера и юга Корейского полуострова есть определенные научные и политические разногласия (Пак Си-хёнъ, 2000; 1995; Ким Хян-чжо, Чхэ Тхэ-киль, 1991).

При изучении данных публикаций действительно нетрудно заметить, что в то время северокорейские исследователи, несмотря на большое влияние политизации и определенные научные неясности в своей стране, подходили к исследованию проблем истории Бохая в научном плане серьезнее, чем их южные коллеги.

Они активно изучали письменные источники в комплексе с археологическими данными, чего долгое время не хватало исследователям Республики Корея.

Первые действительно значимые научные работы, связанные с историей Бохая, на юге Корейского полуострова появились только в середине 80-х — начале 90-х годов XX в.

Это было связано с внутренней политикой Республики Корея, когда стало поощряться развитие образования. Первые докторские диссертации по бохаеведению появились в 1991–1998 годах. В августе 1991 г. была защищена диссертация по внешним отношениям бохайского

государства Хан Кю-чхоль (Хан Кю-чхоль, 1999: 21) (был профессором Кёнсонского университета, главой общества изучения Бохая и Когурё, в настоящее время на пенсии).

Вслед за этим степень доктора истории в области бохайских исследований получили Сонь Ки-хо (в настоящее время профессор Сеульского Национального университета) в феврале 1995 г. (Сонь Ки-хо, 1995) и Им Сань-сон (научный сотрудник Фонда изучения истории Северо-восточной Азии) в феврале 1998 г. (Хан Кю-чхоль, 1999: 21).

Таким образом, в 1998 г. в Республике Корея было 3 доктора наук, которые занимались изучением Бохая. Через год положение изменилось — к 1999 г. на юге Корейского полуострова в области бохаеведения работали более 5 докторов наук, 16 магистров и 9 соискателей на степень магистра по истории Бохая (Хан Кю-чхоль, 1999: 21). Кроме этого, появились специалисты из-за рубежа, в частности из Японии, которые также изучают историю Бохая в университетах Республики Корея. На данный момент профессора Хан Кю-чхоль и Сонь Ки-хо являются самыми видными бохаеводами в Республике Корея.

Хан Кю-чхоль родился 8 мая 1951 г., окончил университет Корё, второе по популярности высшее учебное заведение в Республике Корея, там же он стал магистром, а затем доктором.

В 1994 г. Хан Кю-чхоль издал книгу «История внешнеполитических отношений Бохая» — свой основной научный труд, в котором большое внимание было уделено отношениям Бохая и Силла. Конечно, позже он издал серию своих академических работ по разным направлениям бохайских исследований. Помимо изучения китайских летописей Хан Кю-чхоль также активно занимается исследованием историографии Бохая в других странах, в том числе и России, что представлено ниже.

Сонь Ки-хо родился в 1956 г. в городе Тэчжоне, где закончил школу, а затем учился в Сеульском национальном университете. Там же он защитил магистерскую и докторскую диссертации, работает профессором на кафедре корейской истории.

В 1987 г. Сонь Ки-хо участвовал в публикации многотомной северокорейской «Истории Бохая» в Республике Корея, а позже совершил научное турне по Маньчжурии и российскому Приморью в целях изучения бохайских памятников (Сонь Ки-хо, 1993). Наиболее важным его трудом в научной карьере является академическая монография по политической истории Бохая, изданная в 1995 году. В своих научных работах Сонь Ки-хо обращает большое внимание на археологические данные из Китая и России (Сонь Ки-хо, 1992).

В 1996 г. он принял участие вместе с Хан Кю-чхольем и Им (Лим) Сань-соном в создании 10 тома «Корейской истории» «История Бохая» (Хан Кю-чхоль, 1999: 21–22).

Основной упор в бохаеведении Республики Корея делается на изучение средневековых летописей, содержащих записи о государстве Бохай и о бохайцах, а также на анализ археологических материалов из других стран, в частности России и КНДР.

В 90-х годах XX в. южнокорейские исследователи стали активно изучать летописи с целью найти упоминания о бохайцах после гибели их государства. Кроме того, они уделили много внимания на работы Цзинь Юйфу (в корейском чтении Ким Ю-буль), полевому исследованию бохайских артефактов в других странах. Это обусловлено тем, что на юге Корейского полуострова отсутствуют археологические памятники бохайского государства.

В изучении летописей южнокорейские ученые добились больших успехов, в особенности в поиске записей по государству Бохай и о бохайцах после 926 г. в различных средневековых китайских и корейских письменных источниках.

Следуя разработкам северокорейских историков они активно изучают летописи «Тхончжон» («Тундянь» /Общий свод/), «Кудансо» («Цзю Тан шу» /Старая история династии Тан/), «Танхэё» («Тан хуйяо» /Свод сведений о важнейших событиях при династии Тан/), «Одэхэё» («Удай хуйяо» /Свод сведений о важнейших событиях при Пяти династиях/), «Куодэса» («Цзю Удай ши» /Старая история Пяти династий/), «Тхэпхёнхваунги» («Тайпин хуаньюй цзи» /Записи о Вселенной годов правления Тайпин/), «Чхэкпувонги» («Цэфу юаньгуй» /Зерцало из императорского книгохранилища/), «Син`одэса» («Синь Удай ши» /Новая история Пяти династий/), «Синдансо» («Синь Тан шу» /Новая история династии Тан/), «Мукёнчхоньё» («Уцинцзуньяо» /Общие и наиболее важные сведения военного трактата/), «Чжачхитхоньгам» («Цзычжи тундянь» /Общее зеркало, правлению помогающее/), «Окхэ» («Юй Хай» /Нефритовое море/), «Мунхонтхонгё» («Вэньсянь тункао» /Общее исследование письменных документов/), «Кымса» («Цзинь ши» /История династии Цзинь/), «Сонса» («Сун ши» /История династии Сун/), «Рёса» («Ляо ши» /История династии Ляо/), «Синхвэё», «Чеванунги» и другие (Пак Си-хён, 2000; Сонь Ки-хо, 1995; Хан Кю-чхоль, 1999).

Сравнение записей, связанных с историей Бохая из различных летописей, что является обязательным неотъемлемым этапом работы корейского, японского и китайского исследователя над первоисточниками, приводит иной раз к интересным выводам, представленным ниже.

Так, например, Хан Кю-чхоль отметил, что многие данные летописи «Самгук саги» по ряду пунктов неточны и нуждаются в пересмотре и уточнении на основании материалов других письменных источников (Хан Кю-чхоль, 1994: 47).

До исследования Хан Кю-чхоль «Самгук саги» пользовалась огромным, фактически непререкаемым авторитетом в южнокорейском научном мире. Это было обусловлено тем, что Корё было первым государством, объединившим корейский народ. И личность Ким Бу-сика, одного из составителей летописи и известного политического деятеля периода Корё, почиталась.

Но на севере Корейского полуострова уже давно Пак Си-хён высказывал сомнения в достоверности ряда фактов, приведенных в летописи (Пак, 1995).

Но замечания Хан Кю Чхоль о серьезных несоответствиях материалов этой корейской летописи с записями из других средневековых летописей, касавшихся мохэсцев, являются достаточно обоснованными. В частности, указывается, что в «Самгук саги» упущена не только история Бохая, но и государства Кая, существовавшего в средние века на юге Корейского полуострова (Хан Кю-чхоль, 1994: 34).

Другой южнокорейский бохаевед Чжонь Чжин-хонь считает, что авторы «Самгук саги» увлекались низкопоклонничеством перед великими державами (в частности Китаем), в результате чего самобытный исторический материал своей родины был сокращён (Чжонь Чжин-хон, 1999: 46).

Кроме этого, есть неясности с расположением 356 географических мест, указанных в «Самгук саги» (Чжонь Чжин-хон, 1999: 49). Но тут необходимо отметить, что авторы «Самгуксаги» в основном использовали материалы государств, существовавших на Корейском полуострове, что, по сути, уже ставит под сомнение их «низкопоклонничество» в плане подбора исторических материалов.

Несмотря на то, что южнокорейское научное бохаеведение является сравнительно молодым по сравнению с изучением Бохая в России, Китае и Японии (как известно, научное изучение истории Бохая в России и Японии началось в конце XIX века, а в Китае — немногим ранее, чем в Корее), ученые Республики Корея опубликовали большое количество работ — на 1998 г. их было около 400 (Хан Кю-чхоль, 1999: 19), по другим данным более 400 (Се Чжонь-хо, 1999: 37–38). Однако часть из этих публикаций по содержанию можно отнести к научно-популярным работам и рассматривать соответствующим образом.

Более точную информацию о динамике развития и точном количестве научных работ по Бохаю на юге Корейского полуострова дал Сонь Ки-хо в 1995 г. В Республике Корея в 1950–1959 годах было опубликовано 2 работы по Бохаю, в 1960–1969 годах — 6 работ, 1970–1979 годах было выпущено 18 публикаций, 1980–1989 гг. — 80. И, наконец, в 1991–1994 годах была представлена 131 работа. Вместе с 10 работами, появившимися в Корее до 1949 г., на конец 1994 г. насчитывалось 247 работ, что составляет 16% от общего объема научных публикаций по истории Бохая в Восточной Азии (Сонь Ки-хо, 1995: 1).

На конец 2002 года южнокорейские ученые в общей сложности выпустили 451 работу (Сонь Ки-хо, 2003: 253). Учет работ по Бохаю, выпущенных в период последнего десятилетия, пока не проводился в силу ряда причин.

Увеличению количества научных работ по Бохаю способствует проведение ряда конференций. Так, например, 11–13 сентября 1998 г. научно-исследовательское общество изучения Когурё (Когурёёнгухвэ) (в 2005 г. оно было реорганизовано и получило название

Научная Ассоциация изучения Когурё и Бохая (Когурёпархэёнгухвэ)), провело международную конференцию, после которой был опубликован 21 доклад.

Затем то же общество провело выставку фотографий со многих бохайских памятников, посвященную 1300-летию Бохая, и при поддержке KBS (Korean broadcasting system) издало юбилейный сборник академических работ по бохайской истории (Хан Кю-чхоль, 1999: 15–16; Пархэрыль чхачжасо..., 1998).

В ходе этой деятельности был выделен ряд ключевых проблем по истории Бохая. К ним относятся: 1) проблема происхождения бохайцев и основателя Бохайского государства Тэ Чжо Ёна (в китайском чтении Да Цзожуна) (Хан Кю-чхоль, 1992: 344; 1994: 87; Сонь Ки-хо, 1995); 2) характер культуры Бохая (Пак Си-хён, 1995; 2000; Сонь Ки-хо, 1992); 3) период сосуществования Бохая и Силла, который получил название «периода Южного и Северного государств» (по-корейски «Намбукгуксидэ») (Толстокулаков, 2002; Сонь Ки-хо, 1992; Хан Кю-чхоль, 1994; 1999); 4) причины гибели Бохая (Хан Кю-чхоль, 1994; Пань Хак-бон, 1995; Ким Ын-гук, 1999).

Довольно остро стояла проблема этнической идентификации личности основателя Бохайского государства Тэ Чжо Ёна — мохэсец или когурёсец. Южнокорейские и северокорейские историки твердо стояли на том, что он был когурёского происхождения (Пак Си-хён, 2000; 1995; Сонь Ки-хо, 1992; Мун Мён-дэ, 1993: 30; Хан Кю-чхоль, 1993: 43–44), а ученые Китая, СССР и России — на том, что он мохэсец (Государство Бохай..., 1994; Крадин, 2005: 440; Сонь Ки-хо, 1992).

Мнения японской стороны разделились, так как многие японские ученые считают, что в средневековой Японии не делалось особой разницы между государствами на Корейском полуострове. Часть исследователей предполагают, что Силла, Когурё, Пэкче и Бохай вообще являлись данниками Японии (Когурё ёнгухвэ кукчэхаксультэхвэ..., 1999: 174). Основаниями для этого послужили разночтения в китайских, японских и корейских летописях (Хан Кю-чхоль, 1994).

Так, в частности, многие китайские летописи указывали, что Да Цзожун — «старый полководец Когурё» (по китайской летописи «Цзю Тан шу» («Кудансо»)), либо мохэсец на службе у Когурё (по летописи «Синь тан шу» («Синдансо»)) (Хан Кю-чхоль, 1994).

В «Самгук саги» вообще не рассматривался вопрос о Бохае как о корейском государстве, что также играло в этом споре очень большую роль. В итоге это привело к переоценке достоверности китайских летописей исследователями Республики Корея, в частности, «Цзю Тан шу» и «Син Тан шу», которая также не была единой. До сих пор в научных кругах продолжают дискуссии о том, какая же летопись более точна (Когурё ёнгухвэ кукчэхаксультэхвэ..., 1999).

Но Хан Кю-чхоль предложил свою трактовку проблемы: по его мнению, основатель Бохайского государства является мохэсцем из района реки Сунгари (Сонхва), который был под властью Когурё (Хан Кю-чхоль, 1994: 88–89).

Именно поэтому, как он считает, в летописях Да Цзожуна называют то мохэсцем, то когурёсцем. Данное объяснение является довольно интересным и заслуживающим внимания, но на основании этого утверждения Хан Кю-чхоль делает попытку приписать историю мохэ к корейской истории, рассматривая мохэсцев как провинциальное население Когурё и Бохая (Хан Кю-чхоль, 1994).

Но при этом не учитывает, что мохэсцы жили также и на российских территориях Приморья и Приамурья, за пределами, до которых простиралась власть Когурё.

На основании сравнения корёских и китайских летописей южнокорейский исследователь стремится доказать, что к мохэским племенам относились не все, кого в период средневековья считали мохэсцами.

В частности, по мнению Хан Кю-чхоля, те многие мохэсцы, которые описаны в «Самгук саги», не являются представителями мохэских племен как таковых (Хан Кю-чхоль, 1994: 46–47). Это, видимо, также связано с тем, что в материалах «Самгук саги» упоминания о мохэсцах относятся на несколько веков раньше их существования, известного по китайским источникам.

Такая версия перекликается с утверждениями китайского историка Сунь Цзиньцзи и его коллег о том, что сумо и байшань мохэ, в отличие от остальных мохэ, относились не к тунгусоязычным племенам, а к монголоязычным народам вэймо (Сунь Цзиньцзи, Ай Шэнью, Чжуан Янь, 2000: 107–115).

Вопрос о выяснении характера культуры Бохая находится между двумя вариантами — китайский или когурёский, было неясно, какой компонент превалировал в нем и, соответственно, определял его характер. Обе точки зрения опираются на археологические данные, которые не позволяют точно сделать вывод в пользу какой-либо из версий (Шавкунов, 1994).

Но необходимо отметить, что немецкий ученый Иоганесс Реккель достаточно резонно предположил, что вначале в бохайском государстве доминировало влияние Когурё, но позже — китайской империи Тан (Реккель, 2001: 98–109).

В ходе изучения вышеуказанных проблем были также изменены некоторые старые положения в истории, которые не относились напрямую к истории Бохая.

Так, например, до этого государство Силла называлось «Объединенная Силла» («Тхониль Силла»), теперь же его история стала делиться на периоды: «Объединенная Силла» (668–698 г.) и «Великая Силла» («Да Силла») (после 698 г.), хотя иногда последнее ещё называют «Позднее Силла» («Ху Силла») (Хан Кю-чхоль, 1994).

Основанием для этого стали следующие утверждения — с 668 по 698 гг. силланское государство было единственным государственным формированием на территории Корейского полуострова. Поэтому его и называют Объединенное Силла. Но после образования Чжэнь (в дальнейшем Бохай) ситуация в регионе изменилась, так как теперь на Корейском полуострове была два государства. Так как силланское королевство появилось раньше, чем его северный сосед, то его стали называть Великим Силла.

Таким образом, дата образования Бохая стала вехой и для периодизации силланского королевства в корейской истории. Правда, во многих корейских учебниках еще фигурирует раздел «Бохай и Объединенная Силла» (Пархэса, 1996).

Изменения произошли не только с названием и периодизацией этого государства, но и отношением к Бохаю, а также в определении места Силла в корейской истории. Теперь, в связи с признанием периода Южного и Северного государств, первым объединителем Кореи стало считаться не Силла, а государство Корё (Хан Кю-чхоль, 1999).

Центром внимания также стали отношения между Бохаем и Силла. И хотя точных записей о переговорах между этими государствами не осталось (Хан Кю-чхоль, 1999; 1994), за исключением редких упоминаний об отправке послов друг к другу, все равно делаются попытки найти отражения их в китайских исторических материалах. Выдвигаются предположения об их контактах между собой, как о связях между родственными странами, основанных на действиях во внешней политике той или иной стороны.

Немалый интерес стали вызывать причины гибели Бохая. Почти все корейские исследователи признают главным фактором уничтожения бохайского государства вторжение киданей в 925–926 годах (Ким Ын-гук, 1999). Но теперь стоит вопрос о том, что же послужило основной причиной ослабления Бохайского государства. Причем перечень таких причин достаточно широк — от внутренних раздоров в обществе и слабости правительства Бохая до стихийных бедствий, например, извержения вулканов.

Некоторые из этих причин довольно спорны, в частности, это относится к версии о гибели Бохая из-за извержения вулкана. В работах, посвященных данной тематике, часто рассматривается вопрос о личности последнего бохайского правителя (Когурё ёнгухвэ кукчэхакусультэхвэ..., 1999; Пань Хак-бонь, 1995б).

В связи с тем, что в корейском обществе повысилось внимание к истории Бохая, стали создаваться университетские и личные Интернет сайты, посвященные истории, культуре и политике Бохая. Большинство материалов работ южнокорейских ученых были включены в Интернет-ресурсы этих сайтов.

Так как на территории Республики Корея отсутствуют археологические памятники Бохая, то южнокорейские ученые в составе экспедиции Института исследований материка (Тэрюк

ёнгусо) совместно с российскими исследователями из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в мае-июне 1993 г. участвовали в археологических раскопках ряда бохайских памятников в Приморском крае России.

Также совместными командами раскапывались остатки храма близ села Корсаковка Уссурийского района, Южно-Уссурийское городище в городе Уссурийске, Краскинский могильник в Хасанском районе. В 1994 г. работы велись на идентифицируемом с бохайским округом Яньчжоу Краскинском городище.

В 1995 г. начались археологические раскопки на Марьяновском городище в Кировском районе экспедицией при поддержке корпорации Кохап и ДВГУ, во главе с Э.В. Шавкуновым (Шавкунов, 1994: 105–106; Шавкунов, 1999; Росиа..., 1998; Ким Чжонь-бэ, 1993; Ким Чханкюн, 1993; И Нам-сок, 1993; 1994; Мун Мёнъ-дэ, 1993; 1994; Хан Кю-чхоль, 1993; 1994а; Сонь Ки-хо, 1992).

Со стороны научных кругов Республики Корея в исследованиях участвовали многие историки и археологи — И Нам-сок, Сонь Ки-хо, На Сонь-хва, Мун Мёнъ-дэ, Ким Чжонь-бэ, Хан Кю-чхоль и другие, с российской стороны полевыми работами руководили Э.В. Шавкунов и В.И. Болдин (Шавкунов, 1994: 106).

В ходе совместных раскопок возникли неясности в научной интерпретации между сторонами. К ним можно отнести попытки некоторых южнокорейских ученых показать, что они более компетентны в археологическом изучении бохайских памятников, чем их российские коллеги (Ким Чхан Гюн, 1993: 32, 35). Но совместные археологические исследования на Краскинском городище с перерывами продолжались длительное время.

Если в 1993–1994 гг. сотрудничество по раскопкам этого памятника велось с группой ученых из «Тэрюк ёнгусо», возглавляемой тогдашним проректором университета Корё Ким Чжонь-бэ, (в 1998 г. это получило краткое продолжение в сотрудничестве с профессором Мун Мёнъ-дэ из университета Тонгук), то в 1994–1996 гг. сотрудничали ДВГУ и группа, поддерживаемая корпорацией Кохап, в которую входили На Сонь-хва из музея женского университета Ихва и Сонь Ки-хо из Сеульского государственного университета.

В 2001–2002 гг. сотрудничеством с ИИАЭ ДВО РАН занималась третья группа южнокорейских ученых во главе с председателем Общества изучения Когурё Со Гиль-су.

Со стороны специалистов Республики Корея в научно-исследовательской работе также участвовали представители университетов Кёнчжу, Кёнсон, Чунъан и других.

Конечно, на юге Корейского полуострова есть археологические материалы, относящиеся к Бохаю, завезённые туда из Маньчжурии во время японской оккупации. Они изучаются до сих пор (Че Мёнъ-хён, 1999, Им Санъ-сон, 1999) и были опубликованы в каталоге Сеульского национального Университета (Хэдонъсонгук..., 2003).

Профессор Хан Кю-чхоль в течении нескольких лет собирал данные по изучению Бохая в Корее, Китае, России и Японии, а также провел общий сравнительный анализ этих работ (Хан Кю-чхоль, 1999; 1999а). Несмотря на большое количество ошибок и неточностей, эта статья заслуживает внимания, так как является первой публикацией такого рода и поражает огромным объемом обработанной информации (примечание 1).

Например, только во Владивостоке Хан Кю-чхоль провел несколько месяцев, работая в архивах и библиотеках, а также в Институте истории, археологии и этнографии, скрупулезно собирая материалы для своей публикации, которая увидела свет в 1999 г. в материалах международной конференции, посвященной 1300-летию образования Бохая (Хан Кю-чхоль, 1999а).

Большое влияние на развитие изучения истории Бохая в Республике Корея оказывает участие южнокорейских ученых в зарубежных конференциях, а также приглашения специалистов из других стран. Это позволяет им ознакомиться с новыми историческими, археологическими и лингвистическими материалами, выводами оппонентов, что, несомненно, помогает в профессиональном развитии (Ivliev, 1999; Когурё ёнгухвэ кукчэхаксультэхвэ..., 1999а).

Так, например, краткие тезисы южнокорейского ученого Мун Мён-дэ по бохайскому буддистскому искусству были опубликованы в материалах международного археологического симпозиума во Владивостоке, проходившем с 3 по 6 октября 1996 г. (Moon Myung Dae, 1996). Осенью 1998 г. несколько бохаеведов Республики Корея, включая Сонъ Ки-хо и Хан Кю-чхоля, принимали участие в международной конференции во Владивостоке (Сонъ Ки-хо, 1999: 33).

На таких встречах они иногда общаются с северокорейскими исследователями, что, по признанию Сонъ Ки-хо, дает очень много для развития отношений между учеными юга и севера Корейского полуострова (Сонъ Ки-хо, 1992).

Так, в 1991 г. исследователи обоих корейских государств сотрудничали на международной конференции по вопросу о горе Пэктусан (Сонъ Ки-хо, 1992: 335–336). Кроме этого, специалисты Республики Корея активно работают вместе с коллегами из Японии, Китая и других стран Азии и Америки.

Примерами тому является участие многих южнокорейских бохаеведов в работе международной конференции, которая была проведена в начале марта 2001 г. в городе Харбине и в феврале 2005 г. во Владивостоке. При этом надо отметить, что во втором случае, помимо ученых юга Корейского полуострова и России, в конференции принимали участие северокорейские историки и археологи.

Подтверждением того, что бохаеведение в Республике Корея быстро развивается, стала конференция 1998 г., посвященная 1300-летию образования Бохая в Сеуле, на которую были приглашены историки из Китая, Японии, России и Тайваня.

Южнокорейские исследователи представили на этой конференции ряд докладов, которые продемонстрировали активную научную работу в изучении Бохая.

Была проведена серия дискуссий по многим проблемам истории Бохая, в частности, по составу аристократических фамилий Бохая и причинам гибели государства. Сначала выступал докладчик со своей темой, затем его оппонент по вопросам выступления, потом шли дополнения и комментарии и уже после этого дискуссии.

Были прочтены доклады по истории, внутренней и внешней политике Бохая (Им Саньсон, 1999; Ким Ын-гук, 1999; Ким Ви-хён, 1999), культуре (Че Мён-ён, 1999; Чжонь Ён-хо, 1999; Чжонь Хо-тхэ, 1999; И Пён-кон, 1999; Пань Хак-бонь, 1999; 1999а; Пак Сон-бонь, 1999) и историографии Бохая в Корее и других странах (Хан Кю-чхоль, 1999; 1999а; Чонь Чжин-хон, 1999; Чонь Хо-тхэ, 1999) и другим темам.

Высокий научный уровень представленных докладов продемонстрировал хорошую работу с источниками и археологическими материалами, собранными в исторических музеях Кореи и Японии. Поэтому данная конференция показала значительно поднявшийся уровень бохаеведения на юге Корейского полуострова.

Однако на этой конференции отсутствовали некоторые видные ученые Республики Корея, например, Сонь Ки-хо из Сеульского национального университета, Но Тхэ-дон и другие.

Причиной этому было то, что южнокорейские научные круги в отношении к бохаеведению разделились на два лагеря. Одни ученые принимают участие в любых проектах по их специальности, связанной с Бохаем (как Хан Кю-чхоль), а другие считают такие мероприятия, как данная конференция, ненаучными (примером в этом случае является Сонь Ки-хо), что также отразилось на дискуссии, когда критиковались сообщения и материалы общественных и коммерческих организаций (Когурё ёнгухвэ кукчэхакусультэхвэ..., 1999). Конференция, несмотря на ее значимость, проводилась представителями общественности, поэтому часть южнокорейских ученых отказалась принимать в ней участие. Несмотря на это ее работа прошла продуктивно.

Впервые был выдвинут вопрос об исторической принадлежности Бохая, который представили японские историки корейского происхождения. Они, согласно японской современной исторической системе, выставили на обсуждение вопрос, к чему же относится история Бохая — к корейской истории, истории корейского государства или же к истории корейцев (Когурё ёнгухвэ кукчэхакусультэхвэ..., 1999: 168–169).

Данное положение вызвало большой интерес при обсуждении. В итоге был сделан вывод, что Бохай относится к истории Кореи, что также можно понимать под разными углами.

Не вызывает сомнений отношение Бохая к истории корейцев, но насколько он относится к истории Кореи и корейских государств — вот этот вопрос действительно очень интересен, он позволяет изучать Бохай с иных позиций.

На основании научных разработок была создана периодизация истории бохайского государства. Она делится на два больших периода — ранний (698–818) и поздний (818–926).

Ранний период включает в себя этапы образования, развития и внутренних распрей. Поздний состоит из этапов расцвета и гибели.

Этап образования государства включает правление первого правителя Бохая — Тэ Чжонёна (Гована) (698–719). Этап развития — это годы правлений второго и третьего монархов Мувана и Мунвана (719–793). Этап распрей — периоды правлений с четвертого правителя Тэ Вон-ы и до девятого правителя Канвана (793–818). Этап процветания включает в себя периоды правления с десятого монарха Сонвана до 14 правителя Тэ Ви-хэ (818–906?). И, наконец, этап гибели состоит из правления последнего короля Бохая Тэ Ин-сона (906?–926) (Сонь Ки-хо, 1999: 64).

Южнокорейские специалисты признают значимость научных работ северокорейских коллег по истории, культуре и археологии Бохая, особенно опубликованных в 1970-х годы, что уже указывалось ранее (Сонь Ки-хо, 1995; Чжонь Чжин-хон, 1999: 42–43). К этим работам относятся наиболее известные научные труды исследователей КНДР. Примером могут послужить два переиздания монографии Пак Си-хёна «История Бохая» в 90-х годах XX в.

По возможности, южнокорейские ученые стараются изучать материалы северокорейских коллег по Бохаю (Сюй Чжи Фань, 1999). Сюй Чжи Фань, китайский кореец, учился у Со Гильсу (один из первых популяризаторов бохайской тематики в Южной Корее) в аспирантуре и вместе с ним активно занимался исследованием этой темой.

При этом специалисты Республики Корея отмечают сухой научный стиль историков севера Корейского полуострова, большое количество используемых ими древних иероглифов, что очень тяжело для восприятия рядовым читателем (Сонь Ки-хо, 1995а), а также полное игнорирование влияния империи Тан на Бохай (Сонь Ки-хо, 1992; 1995).

Хотя, в принципе, можно отметить и то, что Хан Кю-чхоль и многие другие южнокорейские исследователи тоже несколько перегружают свой текст китайскими иероглифами (Хан Кю-чхоль, 1994), если судить об этом с их позиций.

Поэтому многие южнокорейские ученые постарались популяризировать свои исторические работы, упрощая текст, одновременно давая читателю как можно больше информации. Видимо, здесь большое значение имеют факторы рыночной экономики — ведь по

логике недостаточно популярная книга не будет пользоваться широким спросом, и никакое издательство в Республике Корея не будет ее выпускать.

К тому же далеко не все корейские студенты исторических факультетов в совершенстве владеют древнекитайской иероглификой, чтобы свободно читать такие тексты.

Примером этих работ являются книги: «Поиски Бохая», «История Кореи для молодежи», «Загадка Бохая» и другие. Таким образом, историки юга Корейского полуострова постарались довести историю Бохая до широкого круга читателей.

Дальнейшие научные разработки ученых юга Корейского полуострова привели не только к вышеуказанной популяризации изучения истории Бохая, но и к новым идеям в бохаеведении. Так, например, по-новому стали расцениваться археологические материалы, на которые в республике Корея стали больше обращать внимания (Сонь Ки-хо, 1992; Хан Кю-чхоль, 1994а; 1999а).

Например, Сонь Ки-хо сделал упор на важность изучения костей животных, позволяющее делать выводы об изменениях в хозяйственной жизни бохайцев. Основой для такого рассмотрения он взял российские материалы, переведенные на корейский язык.

Так, в качестве примера Сонь Ки-хо писал, что при изучении таких бохайских памятников были открыты кости коров, лошадей, свиней, собак, но среди них для него наибольший интерес вызывали результаты анализа костей коров. Сонь Ки-хо отметил, что в ранних археологических слоях одного памятника было больше костей молодых быков, а в более поздних — в основном стали находить останки костей старых животных.

Это значит, по его мнению, что в «позднем административном центре коровы стали не только больше жить, а также и то, что в раннем поселении коровы использовались как любимая пища, а в позднем действительно отражается то, что до забоя на мясо животные использовались больше как тягловая сила (Сонь Ки-хо, 1992).

В конечном счете можно сделать вывод, что быки использовались при пахоте. И когда в некоторых крепостях обычно находят кости молодых собак, видно, что их также использовали в пищу, так как не было найдено костей старых животных» (Сонь Ки-хо, 1992: 336–337).

Действительно, при таком раскладе приходится признать важность рассуждений Сонь Ки-хо, которые опираются на работы российских палеозоолога и археологов Э.В. Алексеевой, В.И. Болдина и Л.Е. Семениченко (Алексеева, Болдин, 1986; 1989; Семениченко, Болдин, 1981), занимавшихся изучением остеологических материалов при археологических раскопках бохайских памятников.

Конечно, для российских археологов изучение костей животных является давно пройденным этапом, но для ученых Республики Корея это стало важным шагом вперед в изучении Бохая, так как археологическое исследование бохайского государства южнокорейскими специалистами началось в начале 1990-х годов.

Но при этом корейские исследователи в ходе работы стараются расширить аналитическую базу своих исследований.

Также специалисты юга Корейского полуострова стали обращать больше внимания на изучение Бохая в других странах, и не только на Дальнем Востоке, переводить работы на корейский язык с других языков (Сонь Ки-хо, 1992). Так, например, Сонь Ки-хо и Чжонь Сок-бэ перевели с русского языка «Государство Бохай и племена Дальнего Востока России» (Росиа ёнхэчжу ва пальхэ ёкса, 1996).

Одновременно делаются попытки политизировать историю Бохая (Ланьков А. [Электронный ресурс]). Часть историков юга Корейского полуострова пытается доказать, что ряд сопредельных с Корейским полуостровом территорий (в частности Маньчжурия), которые ранее входили в состав бохайского государства, являются корейскими (Ланьков А. [Электронный ресурс]).

Это также находит отражение в публикациях ученых других стран, в частности, США. Так, например, приводится работа Кеннета Ли, который утверждал, что маньчжуры тоже относятся к представителям корейской нации (Ланьков А. [Электронный ресурс]). И этот случай является далеко не единственным примером.

В последнее время в Республике Корея стало больше уделяться внимания бохайскому населению, оставшемуся после 926 г. (Хан Кю-чхоль, 1999; 1994; 2001: 66–69). При разработке этого вопроса некоторые южнокорейские ученые стремятся доказать, что мохэсцы и чжурчжэни также относятся к корейской истории через Бохай (Хан Кю-чхоль, 1993: 45; 1994; 1999; 2001: 66–69).

В одной из своих работ Хан Кю-чхоль предположил, что Ананьевское городище в Приморском крае является подтверждением наследственных связей бохайцев и чжурчжэней на основе археологических данных, в частности, на сходстве чжурчжэньского и бохайского канов (Хан Кю-чхоль, 1993: 45).

Основанием для вышеуказанной точки зрения ученых юга Корейского полуострова послужило то, что мохэские племена участвовали в создании государства Бохай.

Большинство южнокорейских историков считают его этнически своим государством, некоторые из них полагают, что чжурчжэни имели отношение к потомкам оставшегося бохайского населения (Хан Кю-чхоль, 1994). Правда, с этим не согласны северокорейские историки (Пак Си-хён, 2000; Вэрёчхимрягыл пантэхан пархэ ..., 1995).

Разработки ученых Республики Корея и изучение археологических данных поставили в последнее время перед ними вопрос о религиозной стороне бохайского общества (Lim, 2001: 126–131), который изучается ими с учетом летописных, а также археологических данных.

В общем, необходимо отметить, что за последние 15 лет изучение Бохая в Республике Корея сделало большой скачок вперед и продолжает разносторонне развиваться, несмотря на некоторые научные неточности и политические моменты.

Примером этому является создание в марте 2004 года Фонда изучения Когурё (Когурё ёнгу чжэдан), в составе которого была выделена научная группа, занимающаяся изучением бохайской истории. Изначально в нее входили Им Санъ-сон, Ким Ын-гук и Юн Чжи-ун (Koguryo Research Foundation, 2004).

Фонд изучения Когурё в 2004–2005 гг. совместно с российскими археологами проводил раскопки Краскинского городища (Болдин, Гельман, 2005) и памятника Горбатка.

С 2005 по 2019 годы ежегодные раскопки Краскинского городища проводил Тонбукаёксачжэдан (Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии), который является наследником вышеупомянутого Фонда изучения Когурё.

В память о завершении раскопок Краскинского городища Южной Кореей в ноябре 2019 года Фонд провел международную конференцию в Сеуле, на которую были приглашены с выступлениями по бохайской тематике как российские, так и южнокорейские участники.

Команда исследователей Бохая в этом фонде изменилась с конца 2000-х годов: оттуда ушел Юн Чжэ Ун¹, сравнительно меньше бохайской тематикой стал заниматься Им Санъ-сон, так как он перешел на административную работу в том же фонде.

По-прежнему в этой организации бохайской тематикой занимается Ким Ын-гук, до 2019 года часто принимавший участие в раскопках на Краскинское городище (с 2020 года он уходит на пенсию). Но периодически в команду бохаеведов этой организации попадают археологи Чжонъ Сок-бэ и Кан Ин-ук (специалист по первобытной археологии), когда вопрос касается полевых исследований.

В основной состав исследователей-бохаеведов фонда с 2018 года вошла Квон Ын-чжу (Ким, Квон, Ким, 2019) — специалист по отношениям мохэ и Бохая.

Кроме того, Кохап, проявлявший интерес к раскопкам в Приморье в 1990-х годах, снова стал активно финансировать раскопки бохайского памятника Кокшаровка² на протяжении второй половины 2000 — начале 2010-х годов. Эти работы проводились совместной российско-корейской экспедицией.

Все эта деятельность позволяет южнокорейским исследователям более активно использовать данные полевых раскопок. Как видно, изучение истории Бохая на юге Корейского полуострова опирается не только на летописные, но и археологические материалы.

¹ В настоящее время Юн Чжэ-ун работает на должности профессора на кафедре исторического образования в университете Тэгу, время от времени пишет научные работы по Бохаю.

² Необходимо учесть, что в данный список попали работы, которые не имеют прямого отношения к Бохаю. Их всего 17.

Немалую роль в этом играет внутренняя политика правительства Республики Корея, которая взяла курс на развитие образования и науки, что также сказывается на бохаеведении.

Несмотря на многие положительные моменты такой деятельности, в изучении Бохая в Республике Корея еще сохраняется политическое влияние на науку.

ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ В КНДР

В последнее время Китай, Корейская Народная Демократическая Республика и Республика Корея претендуют на бохайскую историю как на часть своего исторического прошлого. В результате этого история Бохая стала политическим инструментом в отношениях между государствами Дальнего Востока. Китайские и южнокорейские ученые опубликовали много работ по бохайской истории, перевели их на английский и другие языки. Каждая сторона стремится доказать, что Бохай является частью именно ее истории.

Однако северокорейские исследователи мало публикуются за рубежом и их работы малоизвестны. Ученые Республики Корея в силу ряда причин добились наибольших успехов в изучении бохаеведения в КНДР. Южнокорейские специалисты исследовали северокорейское изучение Бохая в течение длительного времени.

Несмотря на то, что многие историки с юга Корейского полуострова рассматривают северокорейское бохаеведение с субъективных позиций, имеют место различного рода недопонимания, но их материалы являются важными для изучения истории Бохая в КНДР.

По статистике южнокорейского ученого Хан Кю-чхоля к 1998 году северокорейские исследователи опубликовали 98 научных статей и книг (Хан Кю-чхоль, 1999: 15–36) по бохайской тематике. По мнению другого южнокорейского ученого, Сонъ Ки-хо, ученые КНДР к 2002 году имели 137 академических публикаций (Сонъ Ки-хо, 2003: 252–253).

Но необходимо отметить, что в силу ряда политических причин, южнокорейские историки не могут располагать полной информацией по публикациям своих коллег на севере. Однако при этом специалисты юга Корейского полуострова располагают большим количеством данных по изучению Бохая в КНДР, чем историки других стран, и стараются проводить мониторинг по этому вопросу.

Но при этом северокорейские ученые все же имеют возможности ознакомления с работами специалистов из других стран. В частности, они получают публикации из Китая, что позволяет им знакомиться не только с тенденциями в китайском бохаеведении, но и изучать переводные публикации ученых из других стран.

Большую роль в этом играет Янбяньский университет, в котором существует несколько административных подразделений, имеющих отношение к изучению бохайской тематики. Все они собирают информацию и материалы, связанные с их исследованиями. В ходе работы с северокорейскими учеными они проводят обмен материалами.

Конечно, международная изоляция северокорейских научных кругов играет свою важную роль в данном вопросе, поэтому далеко не всегда они имеют возможность получать актуальную информацию и материалы в других странах. Примером этому могут служить представления

исследователей КНДР об изучении бохайских памятников в России и тенденциях исследований в Республике Корея.

Изучение археологических памятников бохайского времени в КНДР началось в 1960-е годы и продолжается до сих пор. Северокорейские специалисты проводили раскопки не только на территории своей страны, но и в Китае, совместно с коллегами из КНР.

При этом научные археологические изыскания на севере Корейского полуострова являются одними из самых закрытых в мире. Информация о них скудна (Ахметов, 2012). Ученые КНДР редко публикуются за рубежом, причем их работы проходят очень строгую политическую цензуру.

Но при этом в 1992–1993 годах они принимали участие в археологических раскопках на территории Приморского края. Совместные исследования проводились на Кроуновском и Константиновском памятниках. В дальнейшем эти результаты полевых исследований стали важной частью представлений северокорейских научных кругов о бохайских раскопках на юге российского Дальнего Востока (Ким, 2011).

Во второй половине 1990 — начале 2000-х годов экономический кризис и ужесточение прессинга политического режима на севере Корейского полуострова не позволили ученым КНДР в дальнейшем участвовать в археологических исследованиях за рубежом.

Советский Союз в свое время оказал большое влияние на развитие науки в КНДР. Еще до начала Корейской войны на территории севера Корейского полуострова работали группы советских специалистов в разных областях. А в 1959 году были составлены планы сотрудничества между АН СССР и АН КНДР (Архив НИИ... НР, 197: 105–107).

Но как таковая поддержка научных изысканий в Северной Корее со стороны СССР началась раньше, так как уже в 1959 году был сдан отчет о работе советской части Советско-корейской комиссии по научно-техническому сотрудничеству (Архив НИИ... НР, 197:131–132).

Влияние СССР на археологическую науку КНДР было огромным. По свидетельствам участников совместных полевых экспедиций в Приморье, даже в 1990-е годы северокорейские археологи работали по советским стандартам на раскопе.

По мнению южнокорейских ученых, как таковое, академическое изучение истории Бохая в Северной Корее началось с работы виднейшего бохаевода Пак Си-Хёна (Сонь Ки-хо, 1995: 9; Пак Чжин-сук, 2005: 238), который опубликовал «Пархэ Са» (История Бохая) в 1962 году.

Но необходимо учитывать, что Пак Си-Хён опубликовал ряд работ (в частности, академических статей) еще до этого. Поэтому данная информация нуждается в определенной корректировке. Однако, несомненно, что эта книга была первой большой публикацией исторических исследований Бохая не только в КНДР, но и на всем Корейском полуострове, если не считать труд Ю Тык-кона в XVIII веке.

Археологическое изучение Бохая в КНДР началось несколько позже, с работы Чжу Ён-хона «Пархэ мунхва» (Культура Бохая) в 1971 году. Конечно, северокорейские археологи проводили массовые раскопки и писали научные статьи еще в 1960-х годах, но этот труд суммировал все их достижения в бохайской археологии на севере Корейского полуострова.

Книга Чжу Ён-хона является академической публикацией, опирающейся только на археологические материалы. В работе представлены много фотографий и рисунков. Данная монография рассматривает бохайские города, архитектуру, могильники, различные артефакты, начиная от керамики и заканчивая скульптурами (Чжу Ён-хон, 1971).

Но даже в то время северокорейская археология в отношении Бохая была малоизвестной не только в мире, но и на территории самого Корейского полуострова (Pearson, 1972).

Возвращаясь к историческому аспекту изучения бохайской тематики в КНДР надо отметить, что Пак Си-Хён стремился увязать какие-либо изменения во внутренней и внешней политике Бохая с событиями в соседних регионах, которые могли оказывать влияние на жизнь бохайского государства. Эта его традиция до сих пор имеет свое значение в северокорейском бохаеведении и продолжает развиваться.

В «Пархэ Са» северокорейский историк рассматривал несколько аспектов исследования Бохая, например, политический, территориальный и другие, не только через средневековые корейские (силланские и корёские), но и также китайские и японские летописи. Эта книга дала новые направления для изучения Бохая в Северной Корее и оказала большое влияние на развитие бохаеведения севера Корейского полуострова.

Так, в частности, Пак Си-Хён выдвинул несколько постулатов изучения Бохая в Северной Корее: 1) Бохай был независимым государством; 2) Бохай был создан когурёсцами; 3) Бохай был корейским государством и наследным в отношении Когурё (Пак Си-хён, 1995).

В дальнейшем северокорейские ученые развивали эти постулаты в ряде научных работ (Конь Мён-сонь, 2005: 438–440; Лим Хо-сонь, 2005: 450–452; Чжонь Чжань-кю, 2005: 428–429), что привело к вопросу об этническом составе бохайского государства.

Специалисты КНДР всеми силами стараются доказать, что Бохай был когурёским государством. В своих работах они рассматривают культуру и историю Бохая, но при этом видят только элементы культуры Когурё в Бохае и во многом игнорируют влияние на его государство и культуру со стороны мохэских племен и империи Тан (Сонь Ки-хо, 1995: 10–12; Лим Хо-сонь, 2005: 447; Чха Таль-ман, 2005: 462, 470–472).

Политический подтекст рассмотрения Бохая и Силла в истории Кореи выразился в ряде аналогий, проводимых учеными КНДР. В частности, северокорейские историки утверждали, что Силла предала Корею в войнах Когурё и Пэкче против китайской империи Тан и Бохай — в борьбе последнего с киданями.

Они переносят эту ситуацию на современный мир, под Силла подразумевая нынешнюю Республику Корею, которая, по их мнению, предала Родину в союзе с иноземными захватчиками (в средние века это был Китай, а в настоящее время — США).

Северокорейские ученые указывают на то, что Япония понимала Бохай как наследное Когурё государство (Пархэ мич Хугисилласа, 1991; Пак Си-хёнъ, 2000: 10–11; Лим Хо-сонъ, 2005: 454–455; Чхэ Тхэ-хёнъ, 2005: 482–483). Например, когда бохайские посольские миссии прибывали в Японию, бохайская аристократия демонстрировала японским чиновникам высокий уровень своей культуры, которая имела отношение к Когурё. Японские сановники при встречах бохайских посольств называли Бохай государство «Корё» (Когурё) (Пак Си-хёнъ, 2000: 13–14).

Сейчас многие северокорейские ученые ищут аналогии между когурёской династией Гао и бохайской аристократической фамилией, имевшей такое же имя, и стремятся доказать, что эта фамилия Гао была самой влиятельной аристократической фамилией в Бохае, исключая династию Да (Лим Хо-сонъ, 2005: 456–458).

Схожую ситуацию в северокорейских работах мы видим с бохайской правящей династией Да. Согласно китайским летописям, фамилия Да была «особым родом Когурё», что северокорейские ученые интерпретируют только как когурёскую фамилию (Лим Хо-сонъ, 2005: 448).

Но необходимо учитывать, что некоторые южнокорейские, российские и китайские ученые полагают, что «особый род» мог быть этнической группой, которая отличалась от основного населения Когурё (Сонъ Ки-хо, 1999; Ким, 2008: 150–151).

Также многие специалисты севера Корейского полуострова считают, что вся бохайская аристократия была когурёской, а мохэсцы были в Бохае только простыми общинниками (Лим Хо-сонъ, 2005: 455, 458–459; Чхэ Тхэ-хёнъ, 2005: 474).

Но Пак Си-хёнъ в свое время полагал, что когурёсцы и мохэсцы создали бохайское государство (при доминировании когурёсцев) (Пак Си-хёнъ, 2000: 21–22) и мохэские вожди имели свое место в военной аристократии Бохая. Когурё располагал превосходной военной системой для своего времени, которой позже во многом подражали Бохай и потомки мохэсцев — чжурчжэни (Пак Си-хёнъ, 2000: 18–19).

Как мы видим, Пак Си-хёнъ не исключал того, что чжурчжэни могли в свою очередь что-то наследовать от Когурё. В этом вопросе его позиция сильно отличается от мнений большинства современных исследователей КНДР по тематике Восточной Азии.

Сейчас многие северокорейские историки стремятся доказать, что основным населением Бохая были когурёсцы, потому что перед гибелью государства в Когурё проживало 7 миллионов жителей. То есть их было значительно больше, чем всех мохэсцев (в племенах мохэ

всего проживало 400 тысяч человек, согласно мнению ученых северной части Корейского полуострова) (Лим Хо-сонъ, 2005: 459–460).

Пак Си-хёнъ полагал, что Силла понимало Бохай как корейское, родственное ему государство, поэтому называло его «Северным государством» или «Северной династией». Так как «северным государством» для Силла долгое время было Когурё, то, по мнению северокорейских исследователей, очевидным является связь между когурёсцами и бохайцами для силланцев.

Однако, по мнению Пак Си-хёна, Бохай не рассматривал Силла как близкородственное ему «Южное государство», потому что имел большую дорогу с 39 станциями от своей Южной столицы до силланской границы и называл ее «дорогой в Силла», а не «дорогой в Южное государство» (Пак Си-хёнъ, 2000: 24–25).

Хотя собственно бохайских летописных данных не сохранилось до наших дней, тяжело предполагать, что сами бохайцы считали по этому поводу. Многие северокорейские специалисты полагают, что наличие 39 станций на этой дороге являются свидетельством, что различные контакты между государствами были частыми (Пархэ мич Хугисилласа, 1991: 43). По их мнению, в обратном случае не было необходимости в строительстве и поддержке столь дорогостоящей системы транспортной линии в средневековый период.

При этом ученые из КНДР рассматривают в своих работах государство Силла как «Позднее Силла», а не «Объединенное Силла», в отличие от южнокорейских коллег. Такое представление отражает их отношение к этому средневековому корейскому государству.

Ученые КНДР на основании рассмотрения китайских летописей делают вывод, что империя Тан понимала Бохай как когурёское государство. Но во многих китайских документах мы можем видеть информацию о мохэском происхождении Бохая.

Но в этом случае историки севера Корейского полуострова считают, что авторы этих материалов искажают реальное положение бохайского государства в угоду политическим интересам Танской империи в определенные промежутки времени.

По мнению ученых КНДР, китайцы называли Бохай мохэским государством, пытаясь унижить Да Цзожуна и его страну в системе дипломатического этикета в периоды конфликтных отношений. По представлениям северокорейских историков, китайцы воспринимали мохэсцев как варваров, а Когурё — как государство с высокой культурой. Поэтому, называя Бохай мохэской страной, они подразумевали, что бохайцы являются варварами, а не когурёским населением. Китай называл Бохай мохэским государством только в 698–705 гг. (период непризнания Бохая империей Тан) и во время конфликта 732–735 гг. (Пак Си-хёнъ, 2000: 30–32).

Автор «Самгуксаги» Ким Бу-сик, известный сановник королевства Корё, считал, что Бохай не был корейским государством, поэтому многие северокорейские ученые критиковали его работы за такую позицию (Пак Си-хён, 2000: 56–57).

Однако при этом Пак Си-хён отчасти оправдывал эту политику Ким Бу-сика, так как в то время Корё находилось под давлением чжурчжэней. Чжурчжэньская империя Цзинь претендовала на историю Бохая как на часть своего исторического прошлого.

Корё, будучи в вассальных отношениях с этой империей, по его мнению, не могло утверждать, что Бохай являлся корейским государством, так как бохайские земли входили в состав чжурчжэньского государства. В обратном случае оно рисковало вступить в опасный конфликт со столь могущественным северным соседом.

Подтверждение этой позиции чжурчжэней мы можем видеть в первой части официальной истории чжурчжэньского государства — «Цзинь-ши». В 1115 году первый император Золотой империи Агуда отправил послов к бохайцам, жившим в империи Ляо, с напоминанием, что чжурчжэни и бохайцы — одна семья (Малявкин, 1942: 42).

Чжурчжэни имели сильную армию, в сравнительно короткий срок уничтожившую империи Ляо и Северную Сун. Поэтому Корё должно было быть осторожным во внешней политике (Пак Си-хён, 2000: 57–58) по отношению к Цзинь.

В конце 1980 — начале 90-х годов бохаеведение Северной Кореи сильно изменилось. Причинами для этого были крушение социалистической системы в Советском Союзе и странах Варшавского договора, поэтому Северная Корея больше не могла получать экономическую помощь из СССР и других стран социалистического лагеря.

Руководство страны было вынуждено пересмотреть ряд пунктов своей внешней и внутренней политики. Эти политические изменения и кризис в экономике КНДР создали новые условия, в которых режим Ким Ир-сена был вынужден усилить политическое давление внутри своей страны, в первую очередь, на науку и образование. Эти меры оказали большое влияние на местных ученых и дали быстрые результаты.

В начале 1990-х годов в северокорейском изучении Бохая доминировала позиция Пак Си Хёна и его последователей. Можно сказать, что Пак Си-хён являлся патриархом изучения Бохая на севере Корейского полуострова. Свои первые работы по бохайской истории и археологии он писал еще в конце 1950-х годов (Пак Си-хён, 1995).

Несмотря на определенное политическое давление на него самого, Пак Си-хён признавал, что изучение Бохая в КНДР еще весьма далеко до высокого уровня (Пак Си-хён, 2000: 7). Этим он, по сути, отрицал официальное утверждение государства о том, что в КНДР все самое лучшее в мире, в том числе и в науке. Пак Си-хён уделял много внимания археологическим

раскопкам, которые, по его мнению, могут сразу дать важный результат для исследования в истории (Пак Си-хён, 2000: 8).

Кроме того, Пак Си-хён допускал, что в состав Бохая входили территории российского Приморья, хотя он сам на территории юга российского Дальнего Востока не бывал. При этом на юге Корейского полуострова ученые до конца 1980-х годов считали, что в состав бохайского государства не входила территория российского юга Дальнего Востока (Им Сань-сон, 1990: 11). Так что в этом вопросе Пак Си-хён оказался в числе передовых исследователей региона по бохайской тематике.

Именно его позиция в этом вопросе и стала ключевой для многих специалистов из КНДР, которые стали изучать бохайские памятники на территории российского Приморья.

После его смерти в 2000 году ситуация вокруг Бохая в КНДР сильно изменилась. По сути, Пак Си-хён был ученым, который за счет своего авторитета мог выражать мнение, далеко не всегда соответствовавшее официальной позиции государства.

Конечно, на него тоже оказывала большое влияние политическая система КНДР, но по сравнению с другими учеными в своей стране он всегда находился в более выгодном положении.

Многие доводы Пак Си-хёна в Северной Корее были со временем пересмотрены. Эти изменения мы можем видеть в книге другого ученого КНДР Чжань Кук-чжона (автора 5 тома «Чосонса»- «Бохай и Позднее Силла») «Государство Бохай и мохэские племена». Во-первых, северокорейские ученые в своих работах изменили имя отца Да Цзожуна — Цици Чжунсяна на Да Чжунсяна. Многие специалисты КНДР полагают, что отец и сын не могли иметь разные фамилии и считают написание фамилии Цици в документах ошибкой китайских летописцев (Чжань Кук-чжонь, 2001: 40–41). Хотя никаких летописных утверждений для такого представления не было найдено. Во-вторых, северокорейские историки полагают, что китайские летописи содержат много ошибок, касающихся мохэских племен, потому что, по мнению специалистов КНДР, земли многих мохэских племен были отдаленными провинциями Когурё (Чжань Кук-чжонь, 2001: 94–95). И в этом случае территория мохэского племени Сумо была частью владений Когурё (Чжань Кук-чжонь, 2001: 138). Однако в работах этого северокорейского профессора мы не видим неоспоримых подтверждений, основанных на летописном материале, которые серьезно поддерживают эти теории.

Поэтому специалисты КНДР критикуют академические работы своих китайских и южнокорейских коллег о семи племенах мохэ и дуальной системе управления (мохэсцы и когурёсцы) в Бохае (Чжань Кук-чжонь, 2001: 120–123). Результатами всех эти преобразований стал постулат о том, что мохэских племен было четыре.

По утверждению Чжань Кук-чжона, данные археологических раскопок у горы Пэктусань и ее окрестностей северокорейскими специалистами показывают, что на этих территориях проживали когурёсцы. Для северокорейского ученого это означает, что вообще не существовало мохэских племен сумо (сокмальбу) и байшань (пэксанбу), так как по китайским летописям именно эти группы проживали в окрестностях горы Пэктусань. Таким образом, утверждается, что район Пэктусана был провинцией Когурё, и проживало в этой местности когурёское население.

Кроме этого, из списка мохэских групп были вычеркнуты хэйшуй, так как, по мнению ученых КНДР, они были племенем, которое в плане культурного и этнического аспекта отличалось от мохэсцев и когурёсцев. Учеными севера Корейского полуострова выражались также сомнения по поводу принадлежности к мохэсам Будо (на корейском языке -Пэкдольбу) и Ангюйгу (Ангогольбу). Северокорейские специалисты полагают, что эти племена могли быть в действительности провинциальным населением Когурё, как и сумо, и байшань (Чжань Кук-чжонь, 2001: 134–137).

Но в связи с тем, что историки КНДР не пришли к единому мнению о местах проживания Будо и Ангюйгу, вопрос об этих племенах в северокорейском научном мире остается по-прежнему открытым.

Но некоторые северокорейские ученые полагают, что мохэских племен было все-таки семь, но они не имели большой армии и власти (Лим Хо-сонь, 2005: 460), поэтому, в связи с давлением со стороны китайским империй, нуждались в помощи Когурё и были ассимилированы когурёской культурой во многих аспектах.

Но все исследователи севера Корейского полуострова, несмотря на разногласия во мнениях на некоторые вопросы, считают, что бохайская элита была по происхождению из старой когурёской аристократии (Лим Хо-сонь, 2005: 458–460; Чжань Кук-чжонь, 2001: 147).

Причиной столь категоричной позиции северокорейских ученых в вопросе об этническом составе бохайского государства являются политические амбиции руководства КНДР и идеологические споры с КНР.

Как известно, многие китайские историки рассматривают Бохай как «провинциальную власть империи Тан» или «вассала Китая». Специалисты севера Корейского полуострова воспринимают это как посягательство на историческое прошлое своей страны и прилагают усилия для опровержения китайской теории. Поэтому северокорейские специалисты в своих работах подчеркивают независимую политику бохайских правителей в отношениях с другими странами и рассматривают когурёских беженцев как основное население Бохая.

В 2000-е годы северокорейские исследователи разделились на два лагеря по оценке Бохая на Дальнем Востоке России.

Одни ученые, например, Чжань Кук-чжонь, полагают, что российские исследователи могут ошибаться в рассмотрении средневековых городищ в Приморье. По мнению этой группы северокорейских историков и археологов, большая часть мохэских племен, кроме хэйшуй, в действительности являлась когурёским провинциальным населением (Чжань Кук-чжонь, 2001). Тот факт, что мохэские городища сильно отличаются от когурёских, эти северокорейские ученые объясняют рядом факторов.

В частности, отмечается, что по благосостоянию, уровню жизни, укладу и т.п. провинциальное население всегда отличалось от положения жителей центральных областей страны.

Так, в частности, указывается, что когурёсцы, проживавшие в далеких провинциях и ставшие в дальнейшем провинциальным населением Бохая, давно уже стали отдельной ветвью населения Когурё. На протяжении веков они жили своей традиционной жизнью, которая мало менялась, в отличие от их соотечественников, проживавших в больших городах. Но при этом они все равно оставались когурёсцами.

Поэтому их быт, образ жизни и т.п. сильно отличались от условий жизни населения центральных районов. В этом случае предполагается, что называть когурёское население мохэсками некорректно. В результате вопрос о том, какие мохэские городища являются бохайскими, а какие — нет, в Приморье остается открытым для северокорейских исследователей.

Другие ученые, например, Лим Хо-сонь, полагают, что нельзя точно сказать какие части Приморского края входили в состав бохайского государства (Лим Хо-сонь, 2011).

По мнению Лим Хо-сона, Бохай был наследным Когурё государством, с цивилизованным населением, жившим в наземных жилищах. В то время как на территории Приморского края было обнаружено много землянок и полуземлянок. По мнению северокорейских исследователей, такие типы жилищ не характерны для бохайского населения.

Поэтому одним из критериев принадлежности городища VII–X вв. к Бохаю стало наличие наземных жилищ.

На основании рассмотрения информации советских и российских ученых, которые занимались исследованиями Старореченского, Новогордеевского, Борисовского, Корсаковского, Николаевских (1 и 2), Марьяновского городищ Лим Хо-сонь делает вывод, что в южных и части центральных районов Приморья могли быть бохайские города.

В то время как значительная часть центральных и северных районов Приморского края, по его мнению, была заселена мохэсками, которые не имели отношение к Когурё.

Но и наличие наземных жилищ на памятниках, по мнению северокорейских археологов, не является основанием для того, чтобы причислять их к бохайским городищам. В частности,

Лим Хо-сонь отмечает, что в Новогордеевской группе памятников, которые российские археологи причисляют к бохайским, есть наземные жилища, но нет типичной для бохайской культуры керамики. Поэтому вопрос о принадлежности части новогордеевских памятников к Бохаю он оставляет открытым.

Ещё одним критерием, позволяющим определить бохайским ли городищем является памятник юга Дальнего Востока России, Лим Хо-сонь выдвигает наличие каких-либо культовых сооружений, относящихся к буддизму. Таких мест в Приморском крае он насчитал четыре. Все они относятся к южной части нашего края.

Необходимо отметить, что северокорейский специалист основывал свое мнение по бохайским памятникам на советских публикациях, вышедших до 1991 года. Судя по всему, у него не было доступа к более поздним работам российских коллег. Этим объясняются его выводы по определению бохайских городищ из археологических памятников Приморья, на материал которых он сделал упор в своей статье.

Но при этом обе точки зрения северокорейских ученых продиктованы политическим влиянием на науку на севере Корейского полуострова и практически являются разными толкованиями основной политической доктрины в исторических науках в КНДР.

В последнее время в Северной Корее (схожая ситуация и на юге Корейского полуострова) укрепилась позиция, согласно которой Бохай и Когурё считаются крупнейшими корейскими государствами в истории (Пархэса 1996). Поэтому ученые КНДР жестко критикуют позиции китайских коллег по поводу бохайского государства.

В 2000-е годы ситуация немного изменилась — Китай стал больше претендовать на то, что Бохай являлся провинциальной автономией империи Тан, а Когурё был китайским государством.

Как таковая, данная позиция китайских ученых стала ответом на претензии исследователей Республики Корея, которые рассматривают Маньчжурию как корейскую землю, так как в средние века на ее территории существовали Когурё и Бохай.

Но этот политический спор невольно затронул и свои политические интересы КНДР, хотя вряд ли китайские ученые специально хотели задеть северокорейское государство в данном вопросе. В ответ на это, специалисты КНДР стали доказывать, что Бохай был когурёским независимым государством, а Когурё — империей (Конь Мёнъ-сонь, 2005; Лим Хо-сонь, 2005; Чжонь Чжанъ-кю, 2005; Чха Таль-ман, 2005; Чхэ Тхэ-хёнъ, 2005).

Вся эта международная дискуссия сказалась также и на рассмотрении бохайских и мохэских памятников на юге Дальнего Востока России исследователями из КНДР.

Но в своем стремлении доказать эти утверждения северокорейские ученые использовали разные варианты. Чжань Гук Чжонь для увеличения территории Бохая и Когурё включил

мохэские племена как провинциальное население этих государств, и тем самым стремится доказать, что они были большими и независимыми.

Другой северокорейский исследователь, Лим Хо-сонъ, признает когурёскими только те памятники, которые могут быть бесспорно причислены к его культуре. Все сомнительные с его точки зрения памятники он относит к мохэским поселениям.

Своим утверждением он стремится исключить мохэсцев из состава Когурё и Бохая, так как такое действие является еще одним аргументом против позиции китайских коллег по вопросу исторического наследия.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что рассмотрение бохайских памятников российского Приморья в КНДР имеет ряд особенностей. В частности, к ним относится следующее:

1) северокорейские исследователи в своих работах обязаны учитывать политические нюансы. Временами это оказывает большое влияние на научные выводы ученых;

2) представления специалистов севера Корейского полуострова об изучении бохайских памятниках на юге Дальнего Востока России опираются на работы советских ученых 1980 — начала 1990-х годов, а также на результаты раскопок международных экспедиций начала 1990-х годов, в которых принимали участие северокорейские археологи. Ученые КНДР имеют мало возможностей для ознакомления с публикациями российских ученых 2000–2010-х годов. Они участвовали в международных конференциях, но таких мероприятий сравнительно мало и специалисты из Северной Кореи имеют свои ограничения в общении с коллегами.

В итоге можно сделать вывод, что изучение Бохая в КНДР имеет свои особенности: 1) влияние политического пункта на исследования; 2) комбинированное исследование в историческом и археологическом аспектах; 3) большая роль отдельных исследователей на развитие отрасли.

ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ В КИТАЕ

Несмотря на то, что первые летописные данные о Бохэе появились в первую очередь в Китае, китайские ученые длительное время не обращали внимания на это государство. Но, с другой стороны, как таковая историческая наука начала оформляться в Китае только в начале XX века.

До этого имело место просто дублирование информации многими авторами из летописей, которое не опиралось на анализ и критическое переосмысление материалов о Бохэе. Поэтому в вопросе изучения Бохая на востоке Азии Китай оказался самым поздним, так как в других странах Дальнего Востока этот процесс начался раньше.

Только в первой четверти XX века китайский ученый Цзинь Юйфу стал собирать коллекции материалов по Бохаю, сравнивать их и делать выводы. На основании своих исследований он выпустил несколько работ, посвященных истории Бохая.

Учитывая сложность положения Китая в тот период времени (многочисленные проблемы в экономике и обществе, вторжение Японии в Китай, давление со стороны СССР на гоминьдан, военная активность милитаристских клик и т.д.), надо признать, что научная деятельность Цзинь Юйфу была передовой и во многом самоотверженной.

При рассмотрении многих эпизодов бохайской истории этот китайский исследователь усомнился в достоверности информации, изложенной в ряде средневековых летописей, пересмотрел точность изложения материалов из различных китайских письменных источников.

Поэтому его работы сыграли важную роль в международном исследовании истории бохайского государства.

Написанная в 30-е годы XX в. работа Цзинь Юйфу «Бохай го чжи чанбянь», в которой собраны в систематизированном порядке все известные на тот момент записи из источников по истории Бохая и бохайцев, до сих пор играет большую роль в международном бохаеведении.

Конечно, данная работа не включает в себя многих материалов японских, корейских и китайских летописей. В последнее время обнаруживаются новые фрагменты письменных источников, имеющих отношение к бохайцам и не вошедших в материал Цзинь Юйфу, но это не умаляет заслуг последнего в сборе информации по Бохаю.

Несмотря на большую кропотливую работу, при этом до 1960-х годов китайские ученые не обращали внимания на историческое положение Бохая. Начавшаяся «культурная революция» в период правления Мао Цзедунa, пересмотр внешних отношений и рост националистических настроений в обществе КНР привели к тому, что отношение к Бохаю в Китае сильно и резко изменилось.

Именно в это время начинает формироваться концепция «единого многонационального Китая», которая до сих пор имеет ведущее влияние в Китайской Народной Республике. Согласно этой теории, все известные представители народов, живших на китайской территории или участвовавших в жизни областей, входящих в современную КНР, являются представителями истории Китая. Это коснулось практически всех народов и государств, имевших какое-либо отношение к китайским землям. Не избежала этого и бохайская тематика.

К тому же данная позиция стала основной базой для территориальных претензий со стороны КНР к соседям.

С того времени китайские историки стали рассматривать это государство как «провинциальную власть танского Китая» (Сунь Хун, 2001; Яо Фэн, 2001; Вэй Гочжун, Го Сумэй, 2002). Основания для этого они видели в ряде пунктов: 1) отсутствие собственно бохайских монет, как таковых, не только на археологических памятниках Бохая, но и вообще; 2) бохайские посольства ездили за инвеститурой в империю Тан; 3) бохайские представители привозили «дань» к китайскому императорскому двору. Мы уже в нашей работе рассматривали специфику и критику этого положения, поэтому не будем здесь касаться этого вопроса.

Также с 1960-х годов китайские археологи приступили к полевым исследованиям бохайских городищ на своей территории. Был создан ряд центров, связанных с полевым изучением бохайского государства в Северо-Восточном Китае.

Они располагаются в следующих городах — Пекин, Янцзы, Шэньян и т.д. Так как почти все крупные бохайские городища находятся на территории Северо-Восточного Китая, то ученые из КНР являются ведущими специалистами при исследовании большинства археологических материалов из бохайских памятников.

Они опубликовали ряд полевых отчетов о раскопках и научных монографий — «Сигучэн», «Верхняя столица Бохая», «Могильник Хуньцзуньюйчан в Нинъани», «Археология Бохая», «Исследование культуры Бохая — с точки зрения археологических открытий», а также «Исследование бохайских погребений» (авторы Чжэн Юнчжэнь, Янь Чанлу, изд-во Цилинь жэньминь чубаньшэ, 2000), «Хэкоу и Чжэньсин — отчет о раскопках на водохранилище Ляньхуа в Муданьцзяне» (Институт археологии провинции Хэйлунцзян, Археологический факультет Цилиньского университета, изд-во Кэсюэ, 2001), «Археологические памятники Бохая — книжная серия по открытиям и исследованиям в области памятников культуры и археологии Китая XX века» (авторы Чжу Гочэнь, Чжу Вэй, изд-во Вэньу, 2002), «Сравнительное исследование погребений Когурё, Бохая и мохэ» (автор Чжэнь Юнчжэн, изд-во Яньбяньского университета, 2003) и т.д. (Вэй, Чжу, Хао, 2014).

Причем полевые раскопки в Китае охватили почти все аспекты археологических исследований, за исключением только изучения остеологических материалов.

В ходе работы над бохайской тематикой за последние десятилетия выдвинулся ряд исследователей, которые обратили внимание на ряд областей изучения, связанных с Бохаем, и написали много научных публикаций. Это Го Сумэй, Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун, Ван Чэнли, Чжэнь Юнчжэнь, Яо Фэй, Сунь Хун и другие.

В 1984 году Чжу Гочэнь и Го Сумэй издали первую крупную монографию по бохайской тематике в КНР — «Наброски по истории Бохая». Эта работа на долгое время стала настольной книгой для всех китайских исследователей, которые занимаются изучением этого государства.

Только в 2000-е годы появились новые научные монографии китайских бохаеведов, которые по своему содержанию превзошли этот труд. Несколько позже свою работу издал Ван Чэнли (1986). Несмотря на то, что фактический материал в его труде уступает в ряде пунктов монографии вышеупомянутых Чжу Гочэня и Го Сумэя, эта публикация заслуживает внимания, так как автор приложил много усилий для изучения бохайской тематики.

Ситуация для полевых исследований в Китае упростилась еще и тем, что руководство КНР создает максимально удобные условия для археологических раскопок и исторических исследований.

Причем в данных случаях китайское руководство идет на большие финансовые затраты, которые просто невозможны в России или Корее. То же самое касается и исторических исследований. К тому же многие китайские исследователи сочетают в своих работах использование археологических и исторических материалов. Поэтому, несмотря на сильное политическое давление на науку в Китае, историки и археологи КНР публикуют огромное количество работ.

Так, например, по подсчетам южнокорейских ученых, китайские специалисты в области Бохая уже к 1998 году опубликовали 1030 работ, включая научные статьи (Хан Кю-чхоль, 1992; 1999).

Таким образом, по общему количеству они имеют публикаций больше, чем любая другая страна по истории бохайского государства. К 2005 году у них уже было 1176 работ (Хан Кю-чхоль, 2006: 65–68). Причем сами китайские историки оценивают количество своих работ в меньшем объеме в отличие от южнокорейских коллег — несколько сотен научных публикаций (Вэй, Чжу, Хао, 2014). По-видимому, в Китае и Южной Корее разные критерии для научных публикаций.

При этом 2000-е годы стали прорывом для научных работ многих китайских исследователей: они издали большое число монографий — «История государства Бохай» (Вэй Гочжун и др., 2006), «Государство Бохай Северо-востока Китая и Северо-Восточная Азия» (Ван Чэнли, 2000), «Новое исследование истории Бохая» (Ван Юйлан, Вэй Гочжун, 2008), «Исследование этнического состава и распространения этносов в государстве Бохай» (Ян

Цзюнь, 2007), «Исследование пяти столиц государства Бохай эпохи Тан» (Ян Юйшу, Цзян Жун, изд-во Сянган ячжоу, 2008), «Сигучэн» (2007), «Археология Бохая» (Вэй Цуньчэн, 2008), «Верхняя столица Бохая» (Бохай шанцинчэн, 2009), «Могильник Хунцзуньюйчан в Нинъани» (Нинъань..., 2009), «Исследование культуры Бохая — с точки зрения археологических открытий» (Лю Сяодун, 2008) и многие другие (Вэй, Чжу, Хао, 2014).

Ученые КНР активно интересуются изучением Бохая в других странах, переводят работы с других языков на китайский, критикуют положения, которые не соответствуют их представлениям о бохайском государстве. В частности, китайские исследователи последовательно подвергают критике положения о Южном и Северном государствах на Корейском полуострове (Ван Цзяньцзюнь, 2003).

В ряде работ были пересмотрены прежние утверждения китайских исследователей о бохайском государстве. В частности, в последних работах Вэй Гочжун стал утверждать, что изначально Бохай назывался не Чжэнь, а Мохэ (Вэй Гочжун, 2002; Вэй, Чжу, Хао, 2014). Но данная точка зрения не получила поддержки у большинства историков КНР.

В последнее время в Китае наблюдается сильная дискуссия между двумя группами ученых, занимающихся бохайскими исследованиями — этнических ханьцев и китайских корейцев, которые имеют свои представления на историю Бохая.

В ряде вопросов по изучению бохайского государства они солидарны между собой (например, по поводу того, что основным населением Бохая были мохэсцы), но по многим другим проблемам их мнения расходятся (в вопросах о независимости Бохая, культурного влияния и т.д.).

Ученые из числа китайских корейцев в основном проводят исследования на базе Янбяньского университета, который находится на территории автономного корейского округа КНР.

Эта группа ученых также отличается большой научной продуктивностью — у них появилась целая серия новых статей о хозяйстве, культуре, религиях и обычаях бохайской эпохи, также были опубликованы два сборника статей: «Первый том собрания работ по истории Бохая — Исследования культуры Бохая» (гл. редакторы-составители Фан Сюэфэн и Чжэн Юнчжэнь, изд-во Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2000) и «Собрание работ о деньгах Бохая и памятниках типа “двадцать четыре камня”» (гл. редакторы-составители Фан Сюэфэн и Чжэн Юнчжэнь, изд-во Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2000) (Вэй, Чжу, Хао, 2014). С ними охотно работают южнокорейские научные учреждения, которые в ряде случаев финансово поддерживают через них раскопки в Северной Корее. Этому момента мы коснемся ниже.

К тому же в Янбяньском округе находится большое количество археологических памятников, имеющих отношение к бохайской эпохе. Это облегчает археологические изыскания для местных исследователей. Очень важной достопримечательностью региона являются Янбяньские длинные стены, которые тянутся более чем на 300 километров.

Их фортификационные сооружения были построены в разные эпохи — начиная от древних времен и кончая началом XX века. Эти укрепления строились в зависимости от интересов оборонявшихся сторон в разные временные периоды, поэтому ряд из них ориентирован на юг, другие — на север. Причем строители в этой крепостной системе нередко использовали более древние сооружения как часть укреплений для своих насущных нужд и интересов. Значительная часть из них еще не изучена. В состав этих фортификационных сооружений входят и памятники бохайского периода.

В частной беседе с автором монографии декан исторического факультета Янбяньского университета сообщила, что их отделение по археологии каждый год проводит раскопки на длинных стенах с участием студенческих отрядов. Но, к сожалению, информация об этих экспедициях на данный момент недоступна, так как участники этих раскопок не могут в силу разных причин составить полный отчет об исследованиях, которые проводились на памятнике даже несколько лет назад.

Необходимо также отметить, что государственная поддержка в Китае приводит к тому, что исследователи из КНР принимают активное участие в большом количестве конференций, как внутри страны, так и за рубежом. Это касается и бохаеведения (Вэй, Чжу, Хао, 2014).

С одной стороны, на этих конференциях китайские ученые получают возможность ознакомиться с материалами и мнениями своих зарубежных коллег. С другой стороны, это хорошая возможность для них озвучить свои позиции по теме Бохая на международном уровне.

В последнее время китайские ученые стали больше обращать внимания на публикации иностранных коллег. В частности, они активно изучают бохаеведение в Корее, Японии и России (Вэй, Чжу, Хао, 2014). Критику позиций корейских исследователей китайской стороной мы представили выше.

Кроме того, молодые китайские исследователи по Бохаю едут учиться за рубеж для лучшего представления изучения этого государства в других странах. Так, например, Сюй Чжифань получил степень в Республике Корея, а И Мин Чжа — в Японии³.

Ряд молодых китайских ученых стабильно находятся на юге Корейского полуострова (значительная часть из них являются гражданами КНР корейского происхождения). Представители Янбяньского университета (Янцзы, провинция Цзилинь) стабильно ездят в КНДР и участвуют в раскопках бохайских памятников на севере Корейского полуострова.

Таким образом, они получают возможность принимать участие в полевых исследованиях, которые практически недоступны специалистам из Республики Корея, Японии, России и других стран — Северная Корея никого больше не пускает на свои археологические памятники. Так

³ В настоящее время И Мин Чжа работает на должности профессора в одном из пекинских университетов. О ее научных работах по бохайской тематике в последнее время ничего не известно.

как северокорейские ученые сравнительно мало публикуются за рубежом, именно исследователи из Яньбяня становятся мостом между изучением Бохая в КНДР и международным бохаеведением.

Сравнительно малоизученным для ученых КНР остается только исследование Бохая в России, США и Европе. Хотя в последнее время многие китайские научные переводчики занимаются проблемой распространения информации об изучении российского бохаеведения у себя в стране. В первую очередь, конечно, это касается археологического аспекта, который является наиболее важным для них.

Практически неизученными для Китая остаются исследования бохайской тематики в Европе и США, что связано с отсутствием контактов между сторонами. Но при этом научные учреждения пытаются отслеживать данные по публикациям в этой теме. Специфику развития бохаеведения на Западе мы рассматриваем в другой части.

В последнее время стала намечаться тенденция отхода некоторых китайских ученых от прежней традиции рассмотрения Бохая как провинции империи Тан. В частности, Чжэнь Юнчжэнь с двумя коллегами из Яньбяньского университета опубликовали монографию, в которой первыми из китайских исследователей указали, что Бохай был независимым государством⁴.

Но основная часть историков и археологов КНР по-прежнему придерживается традиционной китайской позиции рассмотрения бохайского государства как провинции Танского Китая.

При этом в последние годы ряд китайских ученых стал более объективно смотреть на аспекты изучения Бохая — в частности, они стали признавать культурное разнообразие Бохая и т.д. (Вэй, Чжу, Хао, 2014).

Однако, несмотря на ряд сильных сторон в научной работе, китайские исследователи имеют ряд упущений в изучении бохайской тематики. В частности, ученые КНР провели раскопки большого количества археологических памятников, но мало занимаются остеологическими исследованиями.

Схожая ситуация сложилась и с изучением судеб бохайского населения после гибели их государства в 926 году. Мало кто из китайских специалистов обращает внимание на положение бохайцев в империях Ляо, Северная Сун и Цзинь, несмотря на то, что эти люди участвовали во многих судьбоносных эпизодах истории этих государств.

Поэтому в этих двух областях китайские исследователи мало что писали, несмотря на большие возможности при наличии огромного количества летописей и археологического материала.

Также достаточно острой остается проблема молодых кадров в бохаеведении (их сравнительно мало, несмотря на финансирование исследований со стороны правительства), но это относится ко всей науки КНР в целом.

⁴ Информация получена в ходе личной беседы автора данной работы с южнокорейскими коллегами, работающими в контакте с Чжэнь Юнчжэнем.

ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ В ЯПОНИИ

Как таковое изучение Бохая в Японии началось несколько позже, чем в Корее или России.

Это было обусловлено рядом факторов.

Первый — Япония долгое время находилась в изоляции от всего внешнего мира. Несмотря на то, что в конце XIX века японские острова открыли себя миру, японцам было сложно сразу пойти на изучение того, что в течение длительного времени находилось под запретом. Это касалось и науки.

Второй — в Японии нет бохайских археологических памятников как таковых, поэтому долгое время получаемая информация о Бохае ограничивалась данными японских летописей и изучением отдельных артефактов, полученных каким-либо образом с территории материка. Но при этом она не анализировалась достаточным образом. К тому же ее хранение в свое время не было систематизировано, поэтому данные по бохайским посольствам в Японию находят до сих пор.

Третий — в Японии изначально не была заложена историческая научная школа, поэтому ученых как таковых до конца XIX века просто не было. Но японцы быстро учились и стали приглашать зарубежных специалистов. Уже с конца XIX века в Японии работал ученик германского ученого Леопольда Ранке — Людвиг Рисс. Его деятельность оказала большое влияние на японских ученых (Рю Хакку, 1975: 20–21).

После его работы и других европейских ученых развитие науки в Японии пошло достаточно скоростными темпами, так как японцы стали быстро учиться и осваивать новые идеи в различных дисциплинах, включая гуманитарные. Поэтому мы можем сказать, что германская историческая школа заложила основы для всех исторических исследований в Японии.

Экспансия японского милитаризма привела к захватам больших территорий на материке. Но при этом японские деятели обращали внимание на изучение исторического прошлого присоединяемых регионов. Это привело к расширению исследований в разных областях. Большое внимание было уделено Корейскому полуострову, так как он был ближе к Японским островам, и играл большую роль в экономическом развитии империи.

Поэтому изучение его истории проводилось японцами с большим размахом, но при этом в исследованиях важную роль играл политический аспект. В частности, японские специалисты стремились доказать, что японцы и корейцы имели одного общего предка с целью подчинения корейского населения и включения его в состав японской империи. По этой теме выпускалось большое количество работ, что мы более подробно рассматриваем в части, посвященной изучению Бохая в Корее.

С января 1908 г. на территории японских островов действовал «Кабинет историко-географических исследований», возглавляемый известным японским ученым Сиратори Куракити. Этот центр проводил в разное время раскопки археологических памятников, включая бохайские, на территории Маньчжурии и Кореи.

Полевые исследования бохайских памятников, проводимых этим кабинетом, позволили получить большое количество различных артефактов, но основная их часть была вывезена в Японию. Но при этом необходимо отметить, что эти раскопки были первыми полевыми исследованиями бохайских памятников в Китае.

Большое внимание было также уделено поиску новых письменных материалов по разным темам. Японские исследователи стали обращать внимание на изучение интересующих их тем не только в своей стране, но и в других государствах. Специалисты в области исследования Бохая из Японии проводили активные работы в этом направлении.

Этот разносторонний поиск привел к тому, что некоторые японские историки были знакомы с библиотекой Общества Изучения Амурского края во Владивостоке, русскоязычными научными сообществами (как советскими, так и белоэмигрантскими) в Маньчжурии в 1920–1930-е годы и так далее. Поэтому, несмотря на влияние политического фактора на историков Японии, в академическом плане японские ученые на то время превосходили корейских и китайских специалистов.

Поэтому мы можем сказать, что в первой половине XX века японское бохаеведение было самым развитым в мире. Его прогресс был остановлен только началом Второй Мировой войны. Японские власти не могли после начала военных действий в достаточной мере финансировать раскопки и исторические исследования, поэтому их масштаб сильно сократился. Да и военные действия в Китае, которые велись Страной Восходящего солнца с переменным успехом, не располагали к каким-либо полевым работам на материке.

После 1945 года Япония находилась в большом финансовом кризисе, перед населением остро стояла проблема материального достатка, государство было сильно потрепано поражением в войне. Поэтому восстановление научных изысканий, включая бохаеведение, пришлось только на 1970-е годы. Но к тому времени передовые позиции Японии в изучении Бохая были уже утрачены, вперед вышли ученые из КНР.

Хотя материальные и фактические возможности современных японских исследований по бохайской тематике сильно уступают по ряду параметров тем проектам, которые действовали в японской империи до начала Второй Мировой войны, они имеют ряд своих позитивных пунктов, которых у них не было до этого.

Во-первых, был получен большой доступ для международного научного обмена. Во-вторых, в настоящее время японские исследователи не испытывают такого сильного политического давления, который господствовал в науке в период японского милитаризма.

Но, наш взгляд, на ослабление позиций японских исследователей в изучении региона сказывается материальная база — как таковая, финансовая поддержка японских ученых со стороны государства или частных корпораций сильно уступает тому финансовому вливанию в научные проекты, которое имеют их китайские коллеги.

К тому же необходимо учитывать, что японские специалисты длительное время не имели вообще какого-либо доступа к археологическим бохайским памятникам (с конца 1930-х годов), а историческая наука не имела достаточного финансирования до 1970-х годов.

Поэтому положение японских специалистов в бохаеведении в корне отличается от того, что было у китайских, северокорейских и российских ученых. Это тоже имеет свое влияние на развитии японских изысканий по бохайской тематике.

Но при этом японские исследователи работают во многих областях. В частности, в сфере исторических исследований Бохая работают Хамада Косаку (Хамада, 1999), Сузуки Ёшитами, в плане археологических изысканий — Кодзима Ёшитака (Кодзима, 1999; Кодзима, Гельман, 2011), Исао Усуки и другие. Большое внимание японские ученые также уделяет чжурчжэням (Кавасаки, 2012, Хиромаса, 2012).

Тамоцу Кавасаки является специалистом, занимающийся в общем средневековым периодом Восточной Азии, как в историческом, так и археологическом аспектах.

Не остается без внимания и вопрос о бохайцах под киданьским управлением после 926 года (Савамото, 2008).

Японские бохаеведы сравнительно часто публикуют результаты своих исследований. Так, в частности, по подсчетам корейских ученых за период 1945–1998 гг. японские исследователи издали 449 работ, что было больше, чем у корейских и российских ученых по бохайской тематике (Хан Кю-чхоль, 1992; 1999).

Но в начале 2000-х годов японские историки еще больше ускорили темпы издания публикаций по этой теме — в 2001 году у них уже было 677 академических работ (Хан Кю-чхоль, 2006: 65–68). Но, возможно, в это число вошли статьи и монографии, которые японскими исследователями были выпущены до 2001 года, но они не были в свое время замечены и учтены корейскими учеными.

Однако основная их масса публикуется только на японском языке. Поэтому они сравнительно малодоступны для зарубежного читателя, не знающего японского языка.

В более привилегированном положении в этом вопросе находятся исследователи из Республики Корея, которые хорошо знакомы с японским языком, могут достаточно свободно переводить их работы на корейский и публиковать их.

Кроме того, они часто приглашают японских коллег на свои конференции, на которых получают возможность ознакомиться с их материалами и доводами. Конечно, в других странах

тоже есть специалисты, которые могут свободно работать с текстами на японском языке, но сравнительно узкая бохайская тематика не дает больших возможностей для них.

Разностороннее изучение бохайских исследований привело к тому, что японские ученые выдвигают новые теории по истории Бохая и разрабатывают ранее малоизвестные исследования. Так, например, специалисты, работающие на научных учреждениях Хоккайдо (Саппоро), активно изучают остеологические материалы из бохайских городищ Приморского края (в частности, из Краскинского городища).

Большое внимание было уделено международным отношениям Бохая, в первую очередь с Японией. Как известно, точное упоминание даты образования бохайского государства сохранилось только в японских письменных источниках (Фурухата, 1985), поэтому японские исследователи обращают большое внимание на них. Обсуждаются вопросы дипломатического статуса и развития международных отношений между государствами (Сакаёри, 1979; Масатоши, 1979).

Вопросами дипломатических контактов между Бохаем и Японией занимаются Уэда Такэси, Мацуэда Масанэ и Кумата Рёсукэ. Тематикой, связанной с торговлей между двумя странами, касался Такасэ Кацунори (Полутов, 2015).

Несомненным является то, что изначально Бохай представлял себя в контактах с островитянами ниже Японии по статусу и старался выглядеть вассалом. Об этом свидетельствует тот факт, что он выступал перед японскими сановниками как наследник Когурё. А в период своего существования когурёское королевство, в свою очередь, признавало верховенство Японии в дипломатических отношениях и приносило ей «дань». Но в дальнейшем Бохай стал стремиться изменить свой статус в отношениях с островным государством, хотя и безуспешно.

Японские исследователи полагают, что это было связано с фактическим усилением бохайского государства на континенте, это признавалось империей Тан. Но для японских сановников того времени такая ситуация не имела большого значения.

Другой японский исследователь, доктор Митида Хироси (он работает на должности профессора в университете Токио, кафедра изучения естественной географии), также занялся вопросами, имевшие отношение к бохайской тематике. На конференции в Китае в 1990-е годы он представил результаты своего исследования вулканической активности и особо отметил огромную и страшную силу извержения Пэктусана. Митида Хироси сначала анализировал залежи кальция в районе Хоккайдо, которые были результатом извержений вулканов, причинивших большой вред населению острова в средние века. Потом этот японский ученый занялся вопросами исследования слоя пепла на горе Пэктусан — по его информации, при сравнении данных результаты анализа следов вулканического извержения оказались схожими.

Митида Хироси также отметил, что районы Бохая, которые являются близлежащими к вулкану территориями, были засыпаны слоем вулканического пепла толщиной от 5 до 16

сантиметров, что, по его мнению, говорит о большой разрушительной активности вулканов для окружающей местности (Когурё ёнгухвэ кукчэхакультэхвэ ..., 1999).

Поэтому Митида Хироси предположил, что Бохай мог погибнуть в результате извержения вулкана или, по крайней мере, такое извержение могло оказать влияние на скорую гибель этого государства.

Но данная теория не получила большого распространения в научных кругах Японии и Кореи, потому что, по мнению корейских и японских исследователей, роль вулкана в гибели Бохая обязательно нашла бы отражение в летописных данных соседних государств и народов. Но никаких подобных данных нигде не было обнаружено.

На юбилейной конференции по Бохаю в 1998 году впервые был выдвинут вопрос об исторической принадлежности Бохая, который представили японские историки корейского происхождения. Они, согласно современной японской исторической системе, выставили на обсуждение вопрос: к чему же относится история Бохая — к корейской истории, истории корейского государства или же к истории корейцев (то есть к истории населения как такового) (Когурё ёнгухвэ кукчэхакультэхвэ ..., 1999: 168–169). Подробнее мы это рассматриваем в другой главе.

Кроме того, японские археологи занимаются раскопками бохайского городища на Краскино. По сути, это единственное место, где в настоящее время японские специалисты получили возможность напрямую изучать археологические данные бохайской культуры.

Японские исследователи также интересуются изучением Бохая в других странах, в основном в АТР.

Так, в частности, молодые японские ученые учились в России и Республике Корея для ознакомления с тенденциями местного бохаеведения. Также в японских университетах обучались иностранцы из Китая (Сюй Чжи Фань, И Мин Чжа) и Республики Корея для получения представлений о специфике изучения Бохая на территории японского архипелага.

Таким образом, как мы видим, бохаеведение в Японии развивается по исторической и археологической тематике. Японские исследователи не имеют возможности изучать на своей территории археологические памятники, так как их нет, но зато они проводят полевые сезоны на юге дальнего Востока России на Краскинском городище.

Несомненно, что изучение Бохая в Японии развивается, но его известность сильно ограничена тем, что японские ученые сравнительно мало публикуются на других языках, кроме своего. Это также затрудняет им получение новой информации о научных изысканиях в других странах.

ИЗУЧЕНИЕ БОХАЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ, США И АВСТРАЛИИ

Несмотря на то, что в Европе давно знали про Китай и Японию, научное изучение восточноазиатского региона началось сравнительно поздно. Кроме того, земли, находившиеся восточнее китайской империи, исключая Японию, вообще европейцев мало интересовали. Еще более худшее положение было с Корейским полуостровом. Только некоторые католические миссионеры, длительное время проживавшие в Китае, касались истории этих регионов, но их данные были очень краткими, обрывочными и давали меньше информации, чем записи Н.Я. Бичурина.

Поэтому многие сведения в европейских изданиях по Восточной Азии были полны различных ошибок и неточностей. Только в XX веке некоторые западные специалисты обратили внимание на земли, находившееся восточнее Китая. И только тогда европейские исследователи стали рассматривать историю Бохая, но при этом их число стабильно остается небольшим и в настоящее время.

В отличие от советских ученых, находившихся до конца 1960-х годов под влиянием китайского исторического мировоззрения, многие западные исследователи сразу исходили из того, что Бохай был независимым государством. Многие из них увязывают Бохай с историей Кореи (Henthorn, 1961; Seth, 2019). Мы полагаем, это было связано с изначально недоверчивым отношением Европы к достоверности китайских письменных источников. Европейские историки указывают, что эти летописи весьма субъективны и неточны при описании событий и названий, даже если они имели место в Китае.

Хотя то же самое можно сказать и о европейских средневековых письменных материалах, но к ним доверия у западных исследователей значительно больше.

Европейские ученые сразу обратили внимание на корейские и японские данные о Бохае. В частности, Хенторн Вильям в своей работе указывал на связи бохайского населения с Корё (Henthorn, 1961).

Известный английский ученый Денис Твитчетт сразу взял на заметку китайские и корейские записи по бохайскому государству (Twitchett, 1979). Он сделал попытку рассмотрения истории Бохая не только с позиции корейских материалов, но и выдвинул ряд интересных предположений по данной теме.

В частности, он полагал, что второй бохайский правитель Да Уи не пошел на союз с тюрками против Китая (несмотря на антагонистические отношения с ним), так как предпочитал иметь у своих границ сравнительно спокойную Танскую империю, чем беспокойные и зачастую непредсказуемые кочевые тюркские племена (Twitchett, 1979), постоянно стремившихся к внешней экспансии. А в случае победы союзников и разгрома Китая Бохай и Тюркский Каганат

могли бы оказаться соседями, что в итоге в дальнейшем становилось серьезной и опасной проблемой для самого Да Уи.

Как правило, европейские центры, занимающиеся вопросами изучения Бохая, базируются в университетах или университетских библиотеках. В частности, это Гёттинген (доктор Йоханнес Реккель), Берлин (профессор Эрлинг фон Менде и доктор Штефан Чониг), Гент (профессор Ангела Шоттенхаммер⁵ и доктор Юлия Шнайдер⁶), Кембридж (профессор Денис Твитчетт и его ученики) и другие менее значимые учреждения.

Но при этом необходимо отметить, что подавляющее большинство европейских исследователей касаются бохайской тематики в своих исследованиях в связке с какими — либо другими областями знаний. Как правило, только отдельные ученые выбирают бохаеведение как основную область для своих работ.

Практически все европейские исследователи, занимающиеся средневековой историей Китая и Кореи, касались вопроса Бохая в большей или меньшей степени.

Но при этом есть ряд специалистов, которые более углубленно рассматривают вопросы бохайской истории. Так, например, один из самых известных германских синологов Эрлинг фон Менде еще с 1960-х годов полагает, что Бохай был независимым государством, созданным племенами мохэ, поэтому он никакого отношения к провинциальной системе китайской империи или корейской государственности не имеет⁷.

Другой германский исследователь Бохая, Йоханнес Реккель, полагает, что в Бохае изначально было сильно культурное влияние Когурё, которое со временем сменилось доминирующим китайским влиянием (Реккель, 2001). Поэтому можно сделать вывод, что по большому счету он поддерживает позиции корейских историков в вопросе исторической принадлежности Бохая.

Йоханнес Реккель является наиболее известным бохаеведом в западном мире. В 1995 году он издал свою основную работу — монографию по Бохаю на немецком языке (Reckel 1995). Несмотря на то, что многие его публикации были изданы в основном на немецком языке и сравнительно малоизвестны в России, его имя знают практически все российские исследователи бохайской тематики.

Помимо изучения истории Бохая, этот немецкий ученый в своих научных работах также касается и вопросов бохайского населения после гибели государства (Reckel 2001). Публикации

⁵ В настоящее время профессор Ангела Шоттенхаммер работает в университете Грац (Австрия).

⁶ С 2016 года доктор Шнайдер переехала из Гента в университет Геттинген и занимается древней китайской историей.

⁷ Контакт по этому поводу у автора данной работы с профессором фон Менде состоялся в 2011 году. Эрлинг фон Менде был первым европейским исследователем в XX веке, который обратил внимание на Бохай и обосновал, что это было независимое государство.

Реккеля высоко ценятся в научном плане не только в Европе и России, их с интересом изучают в Корее, Японии, США.

Европейские специалисты, изучавшие китайскую историю, вообще большое внимание уделяют истории бохайского населения после 926 года. Например, профессор Гентского университета Ангела Шоттенхаммер рассматривает положение бохайцев в составе чжурчжэньской империи Цзинь. Но при этом основной областью ее исследований остается развитое и позднее средневековье Восточной Азии (Feldbauer, Angela Schottenhammer, 2011; Franger, Kauz, Ptak, Schottenhammer, 2009; Schottenhammer, 2000; 2013; 2017). Хотя после переезда в Грац профессор Ангела Шоттенхаммер редко что-либо пишет по ранним тематикам.

Другой германский специалист по востоковедению, доктор Юлия Шнайдер написала докторскую диссертацию, в которой рассматривает вопросы китайской историографии о владычестве народов в Китае, включая чжурчжэней и бохайцев в их империи (Schneider, 2017). Юлия Шнайдер защитила докторскую диссертацию в 2013 году в том же Гентском университете, но, по мнению многих европейских синологов, она считается самым выдающимся специалистом молодого поколения в изучении Китая.

Однако, в отличие от своих коллег, Дениса Твитчетта, Эрлинга фон Менде и Йоханнеса Реккеля, старающихся брать во внимание китайские, японские и корейские письменные источники при изучении бохайской тематики, Шоттенхаммер и Шнайдер в основном используют в своих работах только танские и сунские хроники (Schneider, 2011; Fiaschetti, Schneider, Schottenhammer, 2012; Fiaschetti, Schneider, 2014).

Еще одним специалистом, временами рассматривающим вопросы проживания бохайцев в чжурчжэньском государстве, является итальянская ученая Франческа Фиасчетти.

Она работала в римском университете «Ла Сапьенса», получила степень доктора философии в 2015 году в Гентском университете (как и Шнайдер) и в настоящее время считается одним из лучших синологов в Италии. При написании своих научных статей обычно Фиасчетти работает в паре с Юлией Шнайдер (Fiaschetti, Schneider, Schottenhammer, 2012; Fiaschetti, Schneider, 2014). В настоящее время она занимается исследованиями, связанными с империей Юань в Израиле.

То что в Европе изучением бохайской тематики занимаются куда более активно, чем в США, где этого практически нет, объясняется спецификой научной и образовательной системы.

Дело в том, что в США всегда делается упор на те области науки, которые популярны и перспективны в большей степени в обществе, чем даже в академической среде.

Поэтому тема бохайской истории в Америке опирается только на отдельных энтузиастов, которые занимаются изучением Бохая время от времени, как ныне покойный профессор Джемисон (Сонь Ки-хо, 1992), здравствующие профессор Марк Байингтон (работал в

Гарвардском университете, нынче не занимается бохайской тематикой) (Byington, 2004; 2004a), Джон Дункан (Duncan, 2004), Памела Кайл Кроссли⁸ (Кроссли, 2016) или Моррис Россابي (Rossabi, 1975; 2013).

Но по большому счету, Бохай не является особо привлекательным для большинства американских студентов.

На автора данной работы выходили молодые американские ученые, которые обучаются в аспирантуре по средневековой Восточной Азии (по тому же Бохаю) и выражают сомнения в том, что смогут применить свои знания в научной карьере.

В Западной Европе ситуация с бохаеведением иная, так как германское академическое востоковедение (специалисты, работающие по теме Бохая в Европе, в основном являются немцами) старается охватить не только популярные направления, но и те, которые представляются малозаметными на фоне прочих исследований.

На это выделяется финансовая поддержка. Конечно, временами в европейской науке также идет финансирование несколько неуместных и абсурдных тематик в разных областях, но их количество сравнительно невелико.

При этом поддержание мало популярных исследований в Европе приводит к тому, что в общем европейская востоковедческая наука стабильно прогрессирует и превосходит американскую, несмотря на сравнительно меньшие финансовые вливания.

На наш взгляд, в этой ситуации сказывается более высокая квалификация и базовая подготовка германских специалистов в областях гуманитарных и социальных исследований, в данном случае, в востоковедческих дисциплинах.

Несомненно, что финансовая поддержка исследований имеет значение при изучении любых областей знания. В частности, в Австралии распределение финансовых потоков на исследовательские проекты схоже с американской системой.

Поэтому, несмотря на большой интерес зеленого континента к исследованиям восточноазиатских тематик, получается, что изучением Бохая занимался практически один человек — доктор Петер Армстронг, специализацией которого является восточноазиатская архитектура, включая бохайскую.

Последние годы он работал в Сиднейском университете на должности старшего преподавателя. Сейчас Петер Армстронг находится на пенсии, является почетным доцентом кафедры архитектуры, дизайна и планирования того же университета, где он ранее работал. Но работы доктора Армстронга малоизвестны не только в России, но и в западном мире (Armstrong, 2003, 2004).

⁸ Памела Кайл Кроссли в настоящее время работает в университете из «Лиги плюща» — Дартмутский колледж.

В Канаде также есть специалисты, которые работают в областях исследований, связанных с Бохаем, но их число небольшое и дальше магистерских диссертаций не доходит.

Многие европейские фонды поддерживают исследования Восточной Азии в разных сферах. Но в России такие исследования малоизвестны в силу слабых контактов отечественных ученых со своими европейскими коллегами по разным причинам.

Немалую роль в изучении исторической науки играют и научные консорциумы, которые опираются на группы ученых, работающих в разных областях знания. В последнее время в Европе такие консорциумы исчисляются десятками. Среди них есть и востоковедческие объединения. Но российские исследователи туда входят редко в силу слабой информированности, разных методов исследований и сравнительно малой известности.

Эта ситуация отражается и на количестве научных журналов, которые публикуют работы, связанные с бохайской тематикой. Если в США такие журналы исчисляются единицами (в частности, это “The Historian”, “Journal of Song-Yuan studies” и прочие), то в Европе таких академических изданий десятки (например, это “Acta Orientalia Hungarica”, “Central Asiatic Journal”, “Oriens Extremus”, “Ural-Altische Jahrbücher”, “Annales D’Universite “Valahia” Targoviste”, “Tung Pao”, “Economical and Social history of Orient”, “Antiquity”, “Journal of Asian history”, “Journal of Asian studies”, “Journal of Asian and African studies”, “Journal of Royal Asiatic society” и многие другие). Многие эти академические издания входят в престижные различные рейтинги цитирования, такие как “ISI”, “Web of knowledge”, “Web of science” и “SCOPUS”.

Некоторые американские ученые получают академические позиции в университетах Республики Корея и начинают заниматься Бохаем. Так, например, стал изучать бохайскую тематику Джесси Слоан, выпускник Принстонского университета (Sloane, 2014, 2014 (a)).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что бохайские исследования в большей степени концентрируются в Европе, чем в США и других регионах западного мира. Хотя некоторые серьезные попытки исследования бохайской тематики имеют место и в Австралии.

Но в силу географической удаленности, слабой информативности и малого количества специалистов бохайская тематика не является популярной в академической и публичной среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в работе были рассмотрены исследования бохайской тематики в разных странах, располагающихся на трех континентах.

Развитие бохаеведения в разных государствах и его специфика зависят от политического (значение Бохая в политическом ракурсе отдельной страны), географического (наличие археологических памятников на территории государства) и научного (фундаментальность академических исследований) аспектов.

Бохайские исследования в каждой стране развиваются под влиянием вышеуказанных аспектов.

Несмотря на то, что первые научные публикации по бохайскому государству появились на территории Корейского полуострова (Ю Тык-конъ), самое большое количество академических работ в настоящее время у исследователей из КНР.

Развивающийся международный обмен в регионе АТР по изучению бохайской тематики позволяет улучшать уровень исследований, качество и количество публикаций учеными из разных стран. Совместные исследования дают возможность развивать идеи, дополнять информативную базу друг у друга.

Несмотря на сравнительную малочисленность и малую известность, исследователи из стран Западной Европы, Австралии и США вносят свой вклад в изучении Бохая, хотя у них нет больших возможностей работать с письменными источниками и напрямую изучать археологические материалы. Главным их достоинством является использование разнообразных научных методологий, которые позволяют проводить свои исследования и публиковать работы, имеющие научную значимость.

Но при этом в каждой стране, где проводятся исследования Бохая, есть большие проблемы. По большому счету к ним относятся политическое влияние, нехватка молодых кадров в науке и проблема развития новых областей изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Источники

1. Архив НИИ Министерства обороны Республики Корея. HR 197.
2. Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов дома Чингисова. — Спб.: типография Карла Крайя, 1829. — 440 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950.
4. Е Лунли. История государства киданей (Цидань гочжи). — М.: Наука, 1979. — 607 с.
5. История Золотой империи / Под ред. В.Ларичева. — Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 288 с.
6. Малявкин А.Г. Цзинь-ши. 1 цюань // Сборник научных работ пржевальцев. — Харбин, 1942. — С. 41–58.
7. Самгук саги. Исторические записки трех государств / Под ред. М.Н. Пак. — Т. 1. — М.: Наука, 1959. — 384 с. + 202 с. оригинального текста.

Литература

8. Алексеева Э.В., Болдин В.И. Материалы об охоте и животноводстве у населения бохайского городища Николаевское — II (Приморье) // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1986. — С. 77–85.
9. Алексеева Э.В., Болдин В.И. Остатки животных из средневековых слоев Новогордеевского селища и городища // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР — Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. — С. 80–85.
10. Алексеева Э.В., Болдин В.И. Остатки животных из средневекового селища Константиновка — I // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. — Владивосток: Дальнаука, 1994. — С. 37–47.
11. Арсеньев В.К. Материалы по изучению древней истории Уссурийского края // Сочинения. № 4. — Владивосток: Примиздат, 1947. — С. 269–312.
12. Асташенкова Е.В. Бохайская буддийская скульптура и пластика // Средневековые древности Приморья. — Владивосток: Дальнаука, 2012. — Вып 2. — С. 259–268.
13. Асташенкова Е.В. Результаты археологических исследований на поселении Борисовка-3 / Е.В. Асташенкова, Я.Е. Пискарева, Е.А. Сергушева // Россия и АТР. — 2011. — № 4. — С. 141–150.

14. Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е. Свидетельства контактов государства Бохай и Японии в раннем средневековье // Ойкумена. — 2016. — № 1. — С. 50–56.
15. Асташенкова Е.В. Замки и ключи из бохайских памятников Приморья // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. — Владивосток: Дальнаука, 2017. — С. 16–19.
16. Ахметов В.В. К вопросу о бохайских могильниках на севере Корейского полуострова // Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика: XIII всерос. науч. конф. молодых ученых (с международным участием), Владивосток, 18–22 апреля 2012 г.: программа и тезисы / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет; [отв. ред. Ю.В. Латушко]. — Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. — С. 68–69.
17. Баранников А.П. Очередные задачи советского востоковедения // Советское востоковедение. — Т. 1. — М.; Л.: Наука, 1940. — С. 5–13.
18. Беседнов Л.Н., Гельман Е.И. Рыболовство населения бохайского городища Горбатка // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: материалы региональной научной конференции (Владивосток, 26–27 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Н.А. Клюев. — Владивосток: ООО «Рея», 2011. — С. 187–193.
19. Бессонова Е.И. Магнитные свойства близ поверхностной геологической среды бохайских укрепленных поселений // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: материалы региональной научной конференции (Владивосток, 26–27 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Н.А. Клюев. — Владивосток: ООО «Рея», 2011. — С. 212–219.
20. Бессонова Е.И., Савченко А.В. Результаты применения петрофизических, минералогических и геохимических исследований для решения археологических задач в северной части Краскинского городища // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: материалы региональной научной конференции (Владивосток, 26–27 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Н.А. Клюев. — Владивосток: ООО «Рея», 2011. — С. 220–227.
21. Болдин В.И. К вопросу о датировке бохайских памятников Приморья // Археология Северной Пацифики. — Владивосток: Дальнаука, 1996. — С. 76–81.
22. Болдин В., Гельман Е. Отчёт об археологических исследованиях Бохайских памятников в приморском крае в 2004 г. — Сеул: Когурёёнгучедан, 2005. — 453 с.

23. Болдин В.И. Земледелие и скотоводство бохайцев на территории Приморья России // Средневековые древности Приморья: сб. науч. тр. — Владивосток: Дальнаука, 2015. — Вып. 3. — С. 64–67.
24. Болдин В.И. Результаты исследования верхнего строительного горизонта на территории буддийского храмового комплекса Краскинского городища // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. — Владивосток: Дальнаука, 2017. — С. 42–49.
25. Буссе Ф.Ф. Остатки древности в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ // Записки Общества изучения Амурского края. — Т. 1. — Владивосток, 1888. — С. 1–28.
26. Буссе Ф.Ф., Кропоткин А.П. Остатки древностей в Амурском крае // Записки Общества изучения Амурского края. — Т. 12. — Владивосток, 1908. — С. 1–66.
27. Васильева Т.А. История изучения бохайских памятников Приморья в отечественной литературе // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. — С. 39–47.
28. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). — М.: Наука, 1975. — 447 с.
29. Вэй Гочжун. Об этнической принадлежности основного народа Бохая (перевод с кит. яз. А.Л. Ивлиева) / Гочжун Вэй, Сумэй Го // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. — Владивосток: ДВО АН СССР, 2002. — С. 229–234.
30. Гельман Е.И., Ивлиев А.Л. Новый метод археологической разведки (на примере Краскинского городища) // Вестник ДВО РАН. — 2013. — № 1. — С. 117–124.
31. Гельман Е.И. Ворота и предвратные укрепления городищ Приморья VIII–XI вв. // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. — Владивосток: Дальнаука, 2017. — С. 87–91.
32. Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 гг. — М.: Наука, 1986. — 291 с.
33. Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // О Китае средневековом и древнем: Записки разных лет. — Новосибирск: Наука, 2006. — С. 360–373.

34. Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. — М.: ИВЛ, 2018. — 367 с.
35. Государство Бохай (698–926) и племена Дальнего Востока России / Н.Г. Артемьева, В.И. Болдин, Т.А. Васильева [и др.]; под ред. Э.В. Шавкунова. — М.: Наука, 1994. — 219 с.
36. Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. — М.: Наука, Восточная литература, 2014. — 319 с.
37. Зверев С.А., Полищук Т.В. Эффективность методов дистанционного зондирования при исследованиях культурного слоя Краскинского городища // История и культура дальневосточной России и стран АТР: XII всерос. науч. конф. молодых ученых, 19–21 апреля 2010 г., Владивосток: программа и тезисы / Отв. ред. Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. — С. 58–60.
38. Ивлиев А.Л. Новые сведения о фортификации бохайских городищ / А.Л. Ивлиев, В.И. Болдин, Ю.Г. Никитин // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. — Владивосток: Дальнаука, 1998. — С. 152–156.
39. Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. — Владивосток: Дальнаука, 2005. — С. 449–475.
40. Ивлиев А.Л., Болдин В.И. Исследования Краскинского городища и археологическое изучение Бохая в Приморье // Россия и АТР. — 2006. — С. 5–18.
41. Ивлиев А.Л., Ключев Н.А. Вглядываясь в прошлое: итоги и перспективы археологических изысканий // Россия и АТР. — 2006. — № 2. — С. 41–72.
42. История Кореи (Новое прочтение) / Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: МГИМО; РОССПЭН, 2003. — 430 с.
43. Кавасаки Тамоцу. Влияние культур Северо-восточной Азии, замеченное в глиняных статуэтках (ханива) периода Кофун // Средневековые древности Приморья. — Владивосток: Дальнаука, 2012. — Вып. 2. — С. 323–347.
44. Кафаров П.И. Письмо Архимандрита Палладия от 15 сентября 1870 г. // Новости Императорского Русского Географического общества. — № 7(1871). — С. 91–96.
45. Ким А.А. Южнокорейские ученые об участии мохэсцев в создании государства Бохай // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские Чтения). — Владивосток: Дальнаука, 2008. — С. 143–153.
46. Ким А.А. Гао Мохань в истории империи Ляо и королевстве Корё // *Bylye Gody*. — 2015. — № 3. — С. 465–471.

47. Кодзима Ё., Гельман Е.И. Изучение сосуда с асфальтовым веществом, обнаруженным на Краскинском городище // Новые перспективы изучения истории Когурё и Бохая: материалы Междунар. науч. конф. Владивосток, 28–29 нояб. 2011. — [Б.м.], 2011. — С. 63–78.
48. Колоколов В., Мамаев И. Китай. Страна, народ, история. — М.: Воениздат, 1924. — 272 с.
49. Крадин Н.Н. Становление и эволюция средневековой государственности // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. — Владивосток: Дальнаука, 2005. — С. 439–448.
50. Крадин Н.Н. Становление и эволюция ранней государственности на Дальнем Востоке // Вопросы истории. — 2015. — № 10. — С. 3–16.
51. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. Результаты археологических исследований киданьских городов в Монголии // Вестник ДВО РАН. — Владивосток, 2011. — № 1. — С. 111–121.
52. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. — 680 с.
53. Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в. // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. — Новосибирск: Наука, 1966. — С. 269–281.
54. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Наука, 1961. — 391 с.
55. Лапшин Л.В., Момот Ю.А. Остеологические данные по хищным животным Николаевского городища // Актуальные проблемы агрообразования в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы. — Уссурийск: ПГСХА, 2011. — С. 257–259.
56. Лещенко Н.В. Обработка дерева в системе домашних ремесел населения Краскинского городища // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. — Владивосток: Дальнаука, 2012. — С. 95–105.
57. Лещенко Н.В., Прокопец С.Д. Средневековые музыкальные инструменты (по материалам памятников Приморья) // Россия и АТР. — 2015. — № 4. — С. 222–235.
58. Лещенко Н.В. Кочевой мир и музыкальная культура средневековых государств Приморья // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. — Владивосток: Дальнаука, 2017. — С. 181–184.

59. Матвеев З.Н. Бохай (Из истории Восточной Азии VIII–X вв.). — Труды ДВГУ. — Серия 6. — № 8. — Владивосток : типография ДВГУ, 1929. — 41 с.
60. Момот Н.В., Камлия И.Л. Остеологические данные по травоядным животным Николаевского городища // Актуальные проблемы агрообразования в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы. — Уссурийск: ПГСХА, 2011. — С. 272–273.
61. К доместикации свиней в Приморье / Н.В. Момот, А.А. Ким, Н.Г. Артемьева [и др.] // Вестник КрасГАУ. — 2013. — № 4. — С. 197–200.
62. Насакава Хиромаса. Распределение комплексов по изготовлению посуды в Цзинь и Восточном Ся. // Средневековые древности Приморья. — Владивосток: Дальнаука, 2012. — Вып. 2. — С. 348–359.
63. Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино-5 в бассейне р. Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. — Владивосток: ДВО РАН, 2002. — С. 195–215.
64. Никитин Ю.Г. Тан, Бохай и «восточные варвары» (Восточная периферия Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. — Владивосток: Дальнаука, 2005. — С. 517–541.
65. Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья (Очерки древней и средневековой истории Приморского края). — Владивосток: Прим. Книж. Изд-во, 1959. — 221с.
66. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток: Дальневост. Книж. Изд-во, 1973. — 439 с.
67. Омелько В.Е., Винокурова М.А. Анализ костей животных Краскинского городища (по результатам исследований в 2009 году) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — С. 73–79.
68. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / Под ред. Шан Юэ. — М.: Наука, 1959. — 580 с.
69. Панасенко В.Е., Гельман Е.И. Костные остатки животных из бохайского городища Горбатка // Вестник ДВО РАН. — 2008. — № 5. — С. 164–165.
70. Панасенко В.Е., Гельман Е.И. Роль млекопитающих (Mammalia) в системе жизнеобеспечения бохайского населения городища Горбатка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. — Т. 8. — № 3: Археология и этнография. — 2009. — С. 193–203.

71. Пискарева Я.Е. Еще одна загадка поселения Синие Скалы // Россия и АТР. — № 2. — 2013. — С. 115–127.
72. Полутов А.В. Посольства государства Бохай в Японию (727– 763 гг.) // Средневековые древности Приморья. — Владивосток: Дальнаука, 2015. — Вып. 3. — С. 276–302.
73. Реккель И. Этническая структура бохайского народа // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. — Владивосток: ДВО РАН, 2001. — С. 98–109.
74. Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. — М.: Наука, 1975. — 200 с.
75. Сакаи Х., Кисида Т. Электромагнитный метод в археологии (исследования памятников и археомагнетизм) / Пер. В.А. Дерюгина // Мультидисциплинарные исследования в археологии. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — С. 102–108.
76. Семениченко Л.Е., Болдин В.И. Новые данные о сельском хозяйстве бохайцев Приморья (по материалам археологических исследований) // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1981. — С. 66–70.
77. Сергушева Е.А. Земледелие на территории Приморья в период существования государства Бохай (по археоботаническим и археологическим данным) // Вестник ДВО РАН. — 2012. — № 1. — С. 100–107.
78. Сергушева Е.А. Сельскохозяйственные растения бохайского населения Приморья по археоботаническим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2014. — № 2. — С. 111–118.
79. Сергушева Е.А., Гельман Е.И. Результаты исследований семян растений из бохайского поселения Абрикосовское-1 // Мультидисциплинарные исследования в археологии. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — С. 117–127.
80. Сунь Хун. Мохэ, бохайцы, чжурчжэни // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. — Владивосток: ДВО РАН, 2001. — С. 80–89.
81. Сунь Цзиньци, Ай Шэнью, Чжуан Янь. Этническое происхождение бохайцев // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000. — С. 107–115.
82. Тихонов В.М. История Кореи. — Т. 1. С древнейших времен до 1876 года. — М.: Муравей, 2003. — 464 с.
83. Толстокулаков И.А. Очерк истории культуры Кореи. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. — 238 с.

84. Федоров А.З. Памятники старины в городе Никольск-Уссурийском и его окрестностях. — Никольск-Уссурийский: Электро-типография С.Н. Гурскаго, 1916.
85. Хан Кю Чхоль. Кидани и чжурчжэни как оставшиеся бохайцы // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. — Владивосток: ДВО РАН, 2001. — С. 66–71.
86. Хорев В.А. Археологические памятники Приморского края. — Владивосток: ДВО АН СССР, 1978. — 72 с.
87. Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. — Л.: Наука, 1968. — 128 с.
88. Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 146–155.
89. Шавкунов Э.В. Согдийская колония VIII–X веков в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. — Владивосток: Дальнаука, 1988. — С. 100–105.
90. Шавкунов Э.В. С объективных позиций: Бохай в трудах корейских исследователей (по публикациям Сон Ки-хо (Республика Корея)). — Россия и АТР. — 1992. — № 2. — С. 70–80.
91. Шавкунов Э.В. Предварительные итоги российско-корейских археологических раскопок 1993 г. // Вестник ДВО РАН. — 1994. — № 2. — С. 105–110.
92. Шавкунов Э.В. Бохай в судьбах народов Восточной Азии // Вестник ДВО РАН. — 1995. — № 4. — С. 115–124.
93. Шарова О.А., Гельман Е.И., Раков В.А. Малакофауна бохайского Краскинского городища (по материалам археологических раскопок) // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: материалы региональной научной конференции (Владивосток, 26–27 апреля 2010 г.) / Отв. ред. Н.А. Клюев. — Владивосток: ООО «Рея», 2011. — С. 194–199.
94. Яо Фэн. Политика национальной автономии империи Тан в отношении Бохая // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. — Владивосток: ДВГУ, 2001. — С. 90–97.

НА АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Литература

95. Armstrong Peter. Conflict, diplomacy and capital construction // The Results and Interpretation of the Excavations of The Silla Capital. 2003. Vol. 12. Pp. 29–52.

96. Armstrong Peter. The path of influence of the ideal Chinese capital plan // Chinese-Korean Diplomacy in the 5th and 6th Centuries HFAH Conference. Nanjing, November 2004.
97. Byington M. The War of Words Between South Korea and China Over An Ancient Kingdom: Why Both Sides Are Misguided // Korea Times (Aug. 23, 2004). URL: <http://hnn.us/articles/7077.html>.
98. Byington M. Een kwestie van territoriale veiligheid: Chinese Historiografische Behandeling van Koguryo in de twintigste eeuw // Internationale Conferentie over Nationalisme en leerboeken in Azië en Europa (07–08 oktober 2004). Seoul: Academy of Korean Studies, 2004 (a).
99. Chung Kei-Won. Biographies of Choj Ch`i-won and Chung Mong-choo // Korean Research Bulletin — 1. 1944. No. 3–4. Korean Research Council. Los Angeles. Pp. 21–24.
100. Crossley Pamela Kyle. Bohai/Parhae Identity and the Coherence of Dan gur under the Kitan/Liao Empire // International Journal of Korean History. Vol. 21. No. 1, Feb. 2016. Pp. 11–45.
101. Duncan John. Koguryô in Koryô and Chosôn Historical Memory // Journal of Inner and East Asian Studies. 2004. Vol. 1. Pp. 118–136.
102. Henthorn William E. Some notes on Parhae // Transactions of the Korean branch of the Royal Asiatic society. 1961. No. 37. Pp. 65–81.
103. Ivliev Alexander. Archaeological investigation of Bohai sites in Primorski territory of Russia // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). Сеул: Хакъёнмунхакса. 1999. Pp. 191–200.
104. Kim Alexander, Archaeological studies of Jurchen in USSR and Russia // Ural-Altische Jahrbücher. 2009. Vol. 23. Pp. 247–262.
105. Kim Alexander, Bohai (Parhae) Studies in the Soviet Union from the 1920s to the 1970s, // Sungkyun Journal of East Asian Studies. 2013. Vol. 13. № 1. Pp. 77–89.
106. Kim A. The historical and archaeological significances of Bohai cultural layers of Utesnoe-4 site / A. Kim, A. Burdonov, A. Mezentsev // Zeitschrift für Archäologie Aussereuropäischer Kulturen. (7) 2017. Band 7. Pp. 7–18.
107. Kim A. The historical and archaeological significances of Mohe cultural layers of Utesnoe-4 site / A. Kim, A. Burdonov, A. Mezentsev // Central Asiatic journal, 2020.
108. Kradin Nikolai N. Deported nation: the fate of the Bohai people of Mongolia / Nikolai N. Kradin, Alexander L. Ivliev // Antiquity. Vol. 82. No. 316, June 2008. Pp. 438–445.
109. Koguryo Research Foundation. Seoul: Koguryo Research Foundation, 2004. 28 p.
110. Lim San Sun. Taoistic Thinking of Pohai People (with a Focus on Epitaf of Princess Jung Hye and Princess Jung Hyo) // Древняя и средневековая история восточной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 126–131.

- 111.Momot N.V. Archaeological evidence of the domestication of pigs in the Southern Part of the Russian Far East / Momot N.V., Kim A.A., Artem`eva N.G. et al. // *Asian Agri-History*. 2016. Vol. 20. No. 1. Pp. 21–30.
- 112.Moon Myung Dae. A study of Bohai (hieroglyph) Buddhist image // *The First international Symposium of Bohai Culture*. — Владивосток: ДВО РАН, 1996. P. 29.
- 113.Feldbauer Peter. *Globalgeschichte 1000–1250* / Peter Feldbauer, Angela Schottenhammer. Wien: Mandelbaum Verlag, 2011. 302 p.
- 114.Fiascietti F. Ethnicity and Sinicization Reconsidered: Workshop on non-Han Empires in China / F. Fiascietti, J. Schneider, A. Schottenhammer // *Crossroad*. 2012. No. 5. Pp. 1–5.
- 115.Fiascietti F. Political strategies of identity building in Non-Han Empires in China / F. Fiascietti, J. Schneider. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. 273 p.
- 116.Franger Bert G. *Pferde in Asien: Geschichte, Handel und Kultur; Horses in Asia: History, Trade and Culture*. Philosophisch-Historische Klasse Denkschriften / 378. Veröffentlichungen zur Iranistik 46 / Bert G. Franger, Ralph Kauz, Roderich Ptak, Angela Schottenhammer. Vienna: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. 301 p.
- 117.Pearson Richard J. Further Bibliography of North Korean archaeology from North Korean sources // *Asian perspectives*. 1971. No. 14. Pp. 33–34.
- 118.Reckel J. Bohai: Geschichte und Kultur eines mandchurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit. *Aetas Manjurica*. Tomus 5. Wiesbaden: Harrisowithz Verlag, 1995. 828 p.
- 119.Reckel J. Korea and Manchuria — The historical links between Korea and the ancestors of the modern Manchus // *Transition of Royal Asian Society, Korean Branch*. 2001. Vol. 76. Pp. 41–86.
- 120.Rossabi Morris. *A History of China*. Wiley-Blackwell, 2013. 452 p.
- 121.Rossabi Morris. *China and Inner Asia: From 1368 to the present day (Chinese history and society)*. Thames and Hudson, 1975. 320 p.
- 122.Schottenhammer Angela. China und Ostasien im Jahre 1000 (China and East Asia around 1000) // *Periplus*. 2000. Pp. 13–55.
- 123.Schottenhammer Angela. China: Medieval era migrations // *The Encyclopedia of Global Human Migration*. 2013. Vol. II. Pp. 995–1004.
- 124.Schottenhammer Angela. The Song 宋 Dynasty (960–1279) — A Revolutionary Era Turn? // *China across the Centuries*. 2017. Pp. 133–173.
- 125.Schneider J. The Jin Revisited: New Assessment of Jurchen Emperors // *Journal of Song-Yuan Studies*. 2011. No. 41. Pp. 343–404.
- 126.Schneider J. Nation and Ethnicity: Chinese Discourses on History, Historiography, and Nationalism (1900s–1920s). *Leiden Series in Comparative Historiography*. 2017. Vol. 11. 502 p.

127. Seth Michael. A concise history of Korea: from antiquity to present. Lanham; Boulder; New-York; London: Rowman and Littlefield, 2019. 595 p.

128. Sloane Jesse. Mapping a Stateless Nation: “Bohai” Identity in the Twelfth to Fourteenth Centuries // Journal of Song-Yuan Studies. 2014. 44. Pp. 365–403.

129. Sloane Jesse (a). Parhae in Historiography and Archaeology: International Debate and Prospects for Resolution // Seoul Journal of Korean Studies. 27.1 (January 2014). Pp. 1–35.

130. Suzuki Yasutami. Chieftain system in Bohai // The First international Symposium of Bohai Culture. Владивосток: ДВО РАН, 1996. Pp. 3–7.

131. Twitchett, Denis. The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T'ang China. Part 1. London; New York; Melbourne: Cambridge University Press. 1979. Pp. 589–906.

НА КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Источник

132. Ю Тык-конь. Пархэ Го (Исследование Бохая). — Сеул: Хангукгочжончхонсо, 2000. — 197 с. + 90 с. оригинал. текста.

Литература

133. Вэрэчхирягыль пантэхан пархэ инмины тхучжэн. Че 8 чан. (Глава 8. Борьба бохайского населения против иноземного вторжения) // Чосонминчоки панчхирякручэнса кочосон — пархэ пхён. — Сеул, 1995. — С. 285–331.

134. И Нам-сок. Кхраскхинокобун пальгуль сонквава кокохакчжок ыи (Результаты раскопок Краскинского могильника и его археологическое значение) // Чонман. — 1993. — № 8. — С. 36–40.

135. И Нам-сок. Кхыраскхино кнмульчжи чхультхоюмокыль тхонхэ пон пархэы чжибанмунхва (Бохайская провинциальная культура, рассмотренная через археологические архитектурные реликвии на Краскино) // Чонман. — 1994. — № 10. — С. 38–43.

136. И Пён-кон. Пархэ кончхук тэхаё (О бохайской архитектуре) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакьёнмунхакса, 1999. — С. 399–420.

137. И Пён-кон. Чжунгукэсоы пархэкончхук ёнгухёнхван мит мунчжэчом ёнгу. (Изучение проблемных моментов и научного положения бохайской архитектуры в Китае // Когурёёнгухвэ чэ 35 чха чонги хаксульпальпхё палыпхёмунчжип. — 2004. — С. 12–25.

138. И Хе-хён. Пархэ мёльманы воньин» э тэхан тхорон ёчжи (Основное содержание дискуссии о причинах гибели Бохая) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакьёнмунхакса, 1999. — С. 141–144.

139. Им Санъ-сон. Пархэса ихэ (Представление о бохайской истории). — Сеул: Тосочхульпхан синсовон, 1990. — 397 с.
140. Им Санъ-сон. Пархэ чжибэсе ёква сонси (Правящая власть и роды Бохая) // Пархэ конгук 1300 чунён. — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 101–118.
141. Кан Сонъ-бонъ. Пархэзы пхаль вичжэ ёегу (Изучение системы 8 гвардий в Бохае). — Сеул: Сонгюнквантэхаккё чхульпханса, 2005. — 44 с.
142. Ким Ви-хён. Пархэ юмин ква Ху Пархэ мит Дэпархэгук (Оставшееся население Бохая и государства Поздний Бохай и Великое бохайское государство) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 145–158.
143. Ким Мин-чжи, И Сун-вон. Сокгукмё чхультхо пархэ самчжэ ёёны поксик ёнгу (Исследование одежды двух женских статуэток, сделанных с тремя керамическими раскрасками в Бохае и найденных в Сигуо) // Journal of the Korean society of costume. Vol. 50 (May 2000). Pp. 43–58.
144. Ким Чжин-кванъ. Пархэзы ёнёк (Территория Бохая) // Сэропке пон Пархэса. — Сеул: Когурёёнгучжэдан, 2005. — С. 42–57.
145. Ким Чжонъ-бэ. Пархэса нисикы сэ чжипхёныль вихаё (за новые горизонты понимания истории Бохая) // Чонман. — 1993. — № 8. — С. 10–13.
146. Ким Чхан-кюн. Сильчхыкквачжониль тхонхэ пон Корысакхопхыкха чжольтхонь сонкёк (Характеристика Корсаковского храма, выясненная в процессе практических исследований) // Чонман. — 1993. — № 8. — С. 31–35.
147. Ким Хян-чжо, Чхэ Тхэ-киль. Пархэгукы ильбу минчжокмунчжэе тэхаё (О проблеме национальности части населения Бохайского государства) // Пархэса Ёнгу. 1 чип. — Сеул: Ёнбёнтэхакчхульпханса; Соультэхаккёчхульпханбу, 1991. — С. 244–267.
148. Ким Ын-гук. Пархэ мёльманы вонъин (Причины гибели государства Бохая) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 119–140.
149. Ким Ын-гук. Пархэ ёмчжусон пальгулы чжонгэва панъхянь (Направление и развитие раскопок бохайского Краскино) // Пархэ ёмчжусон ияги Краскино. — Пхачжу: Чхонъачхупханса, 2017. — С. 23–60.
150. Ким Ын-гук, Квон Ын Чжу, Ким Чжин-кванъ. Хэдонъсонъгук, когурёрыль пхумьль пархэ (Процветающее у восточного моря государство, таящее в себе Когурё, Бохай). — Сеул: Донбукаёксачжэдан, 2019. — 247 с.
151. Когурё ёнгухвэ кукчэхаксультэхвэ чонхаштхорон (Основная дискуссия международной конференции научного общества Когурё) 1 день 11 сентября 1998 г. // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 159–188.

152.Кодзима Ёшитака. Ильбон кукнеы пархэ кванге чарё (Японские материалы, связанные с внутренними делами Бохая) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакьёнмунхакса, 1999. — С. 241–260.

153.Конь Мёнъ-сонъ. Чжонъчхичэдоэсо паньёнътвэн пархэы хванъчжэкуккачжок сонъкёк (Характеристика императорской государственности, отраженная в политической системе Бохая) // Кочосон, Когурё, Пархэ — пальпхё нонмунчип. — Сеул: Когурёёнгучедан., 2005. — С. 437–446.

154.Ку Нан-хи. Ильбоны силла чхимгонъ кехвэк чхучжин ыдо (План продвижения японского плана вторжения в Силла) // Чхонрамсахак. — Чэ 2 чип. — 1998. — С. 113–136.

155.Ку Нан-хи. 8 сэги хубан ильбоны тэвэкванге кванхан кочхал (пархэваы квангерыль чунъсимыро) (Изучение, связанное с внешними отношениями Японии во второй половине 8 века (в основном по отношениям с Бохаем)) // Ильбон ёксаёнгу. — Чэ 10 чип. — 1999. — С. 29–50.

156.Ку Нан-хи. Хан-Иль пархэсаы ёнгусонъквава хяньху квачжэ (Проблемы и научные результаты истории Бохая в Корее и Японии) // Чхонрамсахак. — Чэ 2 чип. — 2004. — С. 31–71.

157.Ку Нан-хи. Пархэва ильбоны кёрю (Бохайско-японский обмен) // Сэропке пон Пархэса. — Сеул: Когурёёнгучжэдан, 2005. — С. 132–150.

158.Ку Нан-хи. Пархэ-ильбоны кёрюкэсигие тэхан комтхо (Рассмотрение периода обменов между Бохаем и Японией) // Когурёпархэёнгухвэ. — 2009. — № 35. — С. 251–277.

159.Лим Хо-сонъ. Пархэы кобончжуминын когурёюмин (Когурёские беженцы — основное население Бохая) // Кочосон, Когурё, Пархэ — пальпхё нонмунчип. — Сеул: Когурёёнгучедан., 2005. — С. 447–461.

160.Лим Хо-сонъ. Пархэтонхбукбучжиёеке чжумингусонъёнгу (Исследование состава населения северо-восточной части Бохая) // Материалы международной конференции «Новые перспективы изучения истории Когурё и Бохая». — Владивосток, 2011 (работа не опубликована).

161.Мун Мёнъ-дэ. Кхорысакхопхыкха чжольтхо палькурыль тхонхэ пон пархэмунхваы тхынчин (Особенность бохайской культуры, увиденная при раскопках Корсаковского храма) // Чонман. — 1993. — № 8. — С. 26–30.

162.Мун Мёнъ-дэ. Кхыраскхино савончжи ральгуло чханранхэттон пульгёмунхва мосьп сыроне (Обнаружение облика буддистской культуры на выдающихся раскопках бохайского храма в Краскино) // Чонман. — 1994. — № 10. — С. 32–37.

- 163.Ом Чжан-рок. Ёнбён чигу пархэсигиы етсонтхое квахан кочхаль (Исследование, связанное с древним храмом бохайской эпохи в районе Ёнбён) // Пархэса Ёнгу 1. — Сеул: Ёнбёнтехакчхульпханса: Соультехаккё чхульпханса, 1995. — С. 120–156.
- 164.Пак Си-хёнъ. Пархэ Са (История Бохая). — Сеул, 1991. — 325 с.
- 165.Пак Си-хёнъ. Пархэ Са (История Бохая) — Сеул: Тосочхульбан иронквансильчхон, 1995. — 326 с.
- 166.Пак Си-хёнъ. Пархэса ёнгу тэхаё (Для изучения Бохая) // Пархэса ёнгу вихаё. — Сеул: Чончичхульпхан, 2000. — С. 7–68.
- 167.Пак Сон-бонъ. «Пархэ сальмангё чжончжэёбуэ тэхаё» нонпхён (Комментарии к «О том, был ли в Бохае шаманизм») // Пархэконгук 1300 чунён (698–926 г.). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 331–335.
- 168.Пак Чжин-сук. Пукхан, ильпон, росиаы пархэса инсик (Понимание истории Бохая в Северной Корее, Японии и России) // Сэропке пон пархэса. — Сеул: Когурёёнгучедан., 2005. — С. 237–249.
- 169.Панъ Хак-бонъ. Пархэ Чжонъ Хё кончжу мёнчипёнсое тэхан коёк (Труд о могиле бохайской принцессы Чжонъ Хё) // Пархэса Ёнгу 1. — Сеул: Ёнбёнтехакчхульпханса: Соультехаккё чхульпханса, 1995. — С. 1–42.
- 170.Панъ Хак-бонъ. Чжонъ Хе кочжумё ва Чжонъ Хё кочжумёэ тэхаё (О могилах принцесс Чжонъ Хё и Чжонъ Хе) // Пархэса Ёнгу 1. — Сеул: Ёнбёнтехакчхульпханса: Соультехаккё чхульпханса, 1995а. — С. 43–76.
- 171.Панъ Хак-бонъ. Пархэзы мёльман вонъинэ тэхаё (О причинах гибели Бохая) // Пархэса Ёнгу 1. — Сеул: Ёнбёнтехакчхульпханса: Соультехаккё чхульпханса, 1995б. — С. 201–218.
- 172.Панъ Хак-бонъ. Пархэ сямангё чжончжэёбуэ тэхаё (О том, был ли в Бохае шаманизм) // Пархэконгук 1300 чунён (698–926 г.). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 303–330.
- 173.Панъ Хак-бонъ. Пархэкончхук тэхаё квахан тхорон (Дискуссия, связанная с бохайской архитектурой) // Пархэконгук 1300 чунён (698–926 г.). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999а. — С. 421–422.
- 174.Пархэ мич Хугисилласа (История Бохая и Позднего Силла) // Чосончонса 5. — Пхеньян: Квахакпэкква сачжончжонъхап чхульпханса, 1991. — 399 с.
- 175.Пархэрыль чхачжасо: Пархэ конгук 1300 чунён кинём (В поисках Бохая: К 1300-летнему юбилею образования государства Бохай). — Сеул, 1998. — 70 с.
- 176.Пархэса (История Бохая) // Хангукса к. 10. / Под ред. Сонъ Ки-хо, Хан Кю-чхоль и Им Санъ-сон. — Сеул, 1996. — 263 с.

177. Пархэса Ёнгу 3 чип (Изучение истории Бохая, 3 часть). — Сеул: Ёнбёнтэхакчульпханса: Соультэхаккёччульпхансабу, 1993. — 338 с.
178. Росиа ёнхэчжу ва пархэса (Приморский край России и история Бохая) / Отв.ред. Шавкунов Э.В. Пер. с русского языка Сонъ Ки-хо и Чжонъ Сок-бэ. — Сеул: Минымса, 1996. — 341 с.
179. Се Чжонъ-хо. Пархэса ёнгуы хёнхванква квачжэ тэхан тхорон (Настоящее положение изучения истории Бохая и дискуссия о задачах исследования) // Пархэконгук 1300 чунён (698–926 г.). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 37–38.
180. Сонъ Ки-хо. Пархэ, нампукхан — чжун — иль — роы чжагук чжонсим хэсок. (Представления об истории Бохая республике Корея, КНДР, Китае, Японии и России) // Ексабипхён. Каыл. — 1992. — С. 333–343.
181. Сонъ Ки-хо. Пархэрыль чхачжасо (В поисках Бохая). — Сеул: Сольчхульпханса, 1993. — 295 с.
182. Сонъ Ки-хо. Пархэ чжончи ёкса ёнгу (Исследование политической истории Бохая). — Сеул: Ильчжокаль, 1995. — 282 с.
183. Сонъ Ки-хо. Пукхане пархэса ёнгува «Пархэса» (Изучение истории Бохая в Северной Корее и «История Бохая») // Пархэса/Тосочхульбан иронквансильчхон. — Сеул, 1995а. — С. 7–23.
184. Сонъ Ки-хо. Пархэрыль таси понда (Снова рассмотреть Бохай). — Сеул: Тосочхульпхан чурюсон, 1999. — 251 с.
185. Сонъ Ки-хо. Пархэ мунхвасаы ёнгу хёнхванъ ква квачжэ (Задачи и положение изучения истории бохайской культуры) // Хангукса ёнгухвэ. 42 чип. — Сентябрь 2003. — С. 251–269.
186. Сюй Чжи Фань. Пукхан кённе пархэючжокква чхультхоюмуль (Бохайские памятники в КНДР и их изучение) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Хакъёнмунхакса. Сеул, 1999. — С. 213–238.
187. Че Мёнъ-хён. Соультэхаккёы пакмулькван сочжан пархэ юмуль (Бохайские предметы, хранящиеся в музее национального Сеульского университета) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Хакъёнмунхакса. Сеул, 1999. — С. 207–210.
188. Чжанъ Кук-чжонъ. Пархэгукква малькальчжок (Бохай и мохэские племена). — Сеул: Тосочхульбан чжонсим. — 2001. — 221 с.
189. Чжонъ Ён-чжин. Пархэ мудом ёнгу (Исследование бохайских могил) // Пархэса Ёнгу. 1 чип. — Сеул: Ёнбёнтэхакчульпханса: Соультэхаккёччульпханса, 1995. — С. 77–119.

190. Чжонь Ён-хо. Пархэы пульгё ва пульсан (Бохайский буддизм и статуэтки Будд) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 337–346.

191. Чжонь Сок-бэ. Ючжок пунпхоро пон пархэы пучжок кёнъге мунчжэ (Проблема северной границы Бохая по распространению памятников) // Росиа ккыдоны сонса-чунъсэ сидэ кокомунхва ёнгуы кы сонъква чонмань. — Дэчжон: Гунрипгоугнъпакмулькван, 2019. — С. 185–198.

192. Чжонь Чжань-кю. Пархэнын дэквангесо чжачжуквоныль танътанъхи хэньсахан токрипкукка (Бохай — независимое государство, достойно осуществлявшее суверенитет во внешнеполитических отношениях) // Кочосон, Когурё, Пархэ — пальпхё нонмунчип. — Сеул: Когурёёнгучедан., 2005. — С. 427–436.

193. Чжонь Чжин-хон. Пархэса сарё ва пархэса инсикы пёнчжон корёсидэ «Сасе» силлин пархэ кисарыль чжунсимыро (нонмун) (Источники по истории Бохая и эволюция представлений по истории Бохая — в основном по материалам, помещенным в «Сасе» периода Корё) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 39–62.

194. Чжонь Хо-тхэ. «Сангён ёнчхонбу ва сэро пальгульत्वэн сарихам» э тэхан тхоронёчжи (Дискуссия о Верхней столице и раскопанной шкатулке с мощами Будды) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 277–278.

195. Чжу Ен-хон. Пархэ мунхва (Бохайская культура). — Пхеньян: Сахвэквахакчхульпханса, 1971. — 172 с. + 63 илл.

196. Чха Таль-ман. Пархэмудомыл тхонъхэ пон Пархэва Когурёы кесынкванге (Наследственные отношения между Бохаем и Когурё, рассматриваемые через бохайские могильники) // Кочосон, Когурё, Пархэ — пальпхё нонмунчип. — Сеул: Когурёёнгучедан., 2005. — С. 462–472.

197. Чхэ Тхэ-хёнъ. Пархэы рёнъёкхвакчжанква кыкосын тхонъхаё пон когурёкесынинсик (Осознание наследственности Когурё, рассматриваемая через бохайскую территориальную экспансию) // Кочосон, Когурё, Пархэ — пальпхё нонмунчип. — Сеул: Когурёёнгучедан., 2005. — С. 473–483.

198. Хамада Косаку. Мунвансидэ — пархэы ёксачжок сонкёк (Эпоха Мунвана — исторический характер Бохая) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакъёнмунхакса, 1999. — С. 71–93.

199. Хан Кю-чхоль. Корёэсо токрипунтонкикачиы пархэ са инсик (Представление об истории Бохая с периода Бохая до движения за независимость) // Ёксапхибён. Каыл. — 1992. — С. 344–353.

200. Хан Кю-чхоль. Ёнхэчжу пархэючжок палькульква хяньхэ пархэса ёнгуы квачжэ (Раскопки бохайских памятников в Приморье и дальнейшие задачи по изучению истории Бохая) // Чонман. — 1993. — № 8. — С. 41–45.

201. Хан Кю-чхоль. Пархэы тэксвангеса. (История внешнеполитических отношений Бохая). — Сеул: Тосочхульбан синсовон, 1994. — 415 с.

202. Хан Кю-чхоль. Кхыраскхино пархэючжокчжиы ёксачжок сонгёк пальхёчжэ (Проясняющийся исторический характер бохайского памятника на Краскино) // Чонман. — 1994а. — № 10. — С. 44–49.

203. Хан Кю-чхоль. Пархэса ёнгуы хёнкван ква квачжэ (Современное состояние истории Бохая и темы исследования) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Хакьёнмунхакса. — Сеул, 1999. — С. 15–36.

204. Хан Кю-чхоль. Пархэса пулючжо мокча мокрок (Систематический обзор литературы по истории Бохая) // Пархэ конгук 1300 чунён (698–1998). — Сеул: Хакьёнмунхакса, 1999а. — С. 541–664.

205. Хан Кю-чхоль. Пархэы чумин кусон (Состав бохайского населения) // Сэропке пон Пархэса. — Сеул: Когурёёнгучжэдан, 2005. — С. 28–41.

206. Хэдоньсонгук Пархэ (Процветающее государство Бохай). — Сеул: Соульдэ пакмулькван, 2003. — 151 с.

207. Шавкунов Э.В. Ёнхэчжуге нама инын Пархэ (Оставшийся в Приморье Бохай). — Сеул: Корёхаксульмунвачэдан, 1999. — 362 с.

НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Литература

208. Ван Ся. Тандай бохай жэнь чуфан жибэнь-дэ ганкоу хэ хансянь (Порты и маршруты, по которым бохайцы эпохи Тан выезжали в Японию) // Бохай-дэ лиши юй вэньхуа (История и культура Бохая) / Гл. ред. Ван Чэнли, Лю Чжэньхуа. — Чанчунь: Яньбянь жэньминь чубаньшэ, 1991. — С. 231–242. (Переиздание статьи из «Хайцзяоши яньцзю» («Исследования истории морских связей»), 1981, № 3).

209. Ван Цзяньцюнь. Исправление ошибок «Теории эпохи Южного и Северного государств» «Нань бэйго шидай лунь» цзю мю // Бохай-дэ иши юй вэньхуа (История и культура Бохая). 2 вып. — Харбин: Хэйлунцзян жэминь чубаньшэ, 2003. — С. 461–473.

210. Вэй Гочжун, Чжу Гочэнь, Хао Цинъюнь. Бохай го ши (История государства Бохай). Исправленное издание. — Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2014. — 715 с.

НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Литература

211. Масатоши Иши. Даиницзи боккай кен-ничи-ши ни кансуру шомондай (Вопросы о втором бохайском посольстве) // Хатада Такаши сэнсэй коки киненкай. — Т. 1 (Рюкей Шоша). — 1979. — С. 317–344.

212. Савамото Мицухиро. Киттан но точи кю боккай рю точи то тодан коку но козо: Елюй Юйзу но боши о дэ га карини (Структура киданьского управления старым Бохаем, рассматриваемая через эпитафию Елюй Юйзу) // Шигаку засши. — 2008. — 117. — Ч. 6. — С. 1097–1122.

213. Сакаэри Масаши. Боккай кока но шитеки тенкай до кокусай канкей (Развитие государства Бохай и международные отношения) // Чосонши кенкукай ронбуншу. — 1979. — Т. 16. (Рюкей Шоша). — С. 5–38.

214. Фурухата Тору. Боккай кенкоку канкей лицзи но сайкенто (Пересмотр статей о создании Бохая) // Чосон гакухо. — 1985(113). — С. 1–51.

ИНТЕРНЕТ-МАТЕРИАЛЫ И САЙТЫ

215. Ким Г. Советские корейцы в Северной Корее. Статья. 2002. URL: www.world.lib.ru/k/kim_i_o.

216. Ланьков А. 2 источника и 2 составные части корейского национализма. Статья. 2004. URL: www.world.lib.ru/k/kim_i_o.